

Нейросеть

*Пятый Ангел вострубил, ...
отворилась кладезь бездны, и вышел дым
из кладезя, как дым из большой печи;
и помрачилось солнце и воздух ...
... И в те дни люди искали смерти,
но не находили ее.*

1

Лето 1943 года на Среднерусской равнине выдалось жарким и кровавым. «Курская дуга» – эти слова тогда не сходили с газетных полос, и все тревожной звучали из всех репродукторов мира. На небольшом участке фронта между Орлом и Белгородом две огромные армии сошлись в решающей битве. И мир замер, понимая – от ее исхода зависит судьба всего Человечества. И в тот момент, когда советский солдат, истекая кровью, боролся с пандемией коричневой чумы, в журнале «Бюллетень математической биофизики» появилась статья американских ученых Мак-Каллока и Питтса «Логическое исчисление идей, относящееся к нервной активности». В ней впервые в терминах математической логики было описано представление мозга в виде нейронной сети.

Мировое сообщество ученых было занято научно-техническим обеспечением величайшей бойни. Потому эта статья прошла почти незамеченной. Лишь отец кибернетики Норберт Винер в узком кругу американских математиков оценил ее по достоинству. На фоне гигантских битв это событие действительно выглядело крайне незначительным. И никто не мог предположить, что именно оно сыграет в жизни *Homo sapiens* определяющую и роковую роль. А вскоре другие математики доказали ограниченность предложенной модели и интерес к данной теме надолго угас.

По сути, это была первая научная попытка предъявить претензии Богу и с помощью строгой математики лишить его авторских прав на человеческое мышление. Наказание последовало незамедлительно. Уолтер Питтс, гениальный математик-самоучка, испытав крах своих идей, составлявших смысл его жизни, сжег уже готовую докторскую диссертацию. Он уничтожил все, над чем работал долгие годы, спился и умер в полном одиночестве от цирроза печени. А вскоре за ним последовал и Мак-Каллок.

Но враг рода человеческого не дремал. И после смерти основоположников интерес к нейронным сетям вновь возродился. Теоретические работы по данной тематике стали появляться одна за другой. А в начале XXI века, когда развитие вычислительной техники приобрело лавинообразный характер, начались первые попытки практического применения искусственного интеллекта. Число успешных разработок росло как снежный ком, но пока это никак не влияло на ход человеческой Истории.

Все шло своим чередом. Под разговоры о всеобщем мире народы с остервенением сражались за ресурсы и место под Солнцем. Люди были заняты «глобальными»

проблемами и всерьез не задумывались над последствиями разработок пытливых умов. Но «Аннушка уже пролила масло на рельсы». Тормозной башмак выскользнул из-под колес, и поезд Человечества со все возрастающей скоростью понесся под уклон навстречу своей гибели.

2

Шел 2052 год. В Москву, на празднование сотой годовщины со дня рождения Великого Вождя народов России прибыли многочисленные иностранные делегации. Самой многочисленной и желанной среди них была китайская делегация во главе со старым другом юбиляра, Великим Кормчим Поднебесной. Оба этих звания были официальными и введены Постановлениями Государственной Думы Российской Федерации и Всекитайского собрания народных представителей.

В честь юбиляра и его высоких гостей в Кремлевском дворце был дан грандиозный концерт. Он действительно получился замечательным. Нейросеть, отвечавшая за написание текстов и музыки специально к этому событию, превзошла самую себя. При этом современные композиции удачно перемежались с наиболее популярными старинными народными песнями. Они наполняли слушателей то безудержной радостью, то светлой грустью, то глубокой печалью. Здесь было все: и героические, и лирические, и славящие Родину произведения, мягко и ненавязчиво намекавшие на выдающийся вклад юбиляра.

Великий Вождь смотрел на сцену удовлетворенным, хотя и слегка усталым взглядом. Все же солидный возраст давал о себе знать. Он стал быстрее уставать. Хотя все отмечали, что Вождь выглядит теперь даже лучше, чем тридцать лет назад, когда он вступил в решительную схватку с мировым Глобализмом. Не портили картину даже подчеркнуто небрежная короткая стрижка на лысеющей голове и принципиальный отказ пользоваться услугами стилистов. Вождь презирал мужчин, которые перед выходом на сцену допускали даже мимолетное прикосновение руки визажиста. Сам он, выходя на публику энергичной, слегка раскачивающейся борцовской походкой, лишь бросал короткий взгляд в зеркало, чтобы поправить галстук.

Да, за тридцать лет мир сильно изменился. Отгремела 3-я Мировая, в которой глобалисты сошлись с антиглобалистами. При этом Человечество прошло буквально по лезвию бритвы, сумев не сорваться в пропасть ядерного Армагеддона¹. И не сорвалось только благодаря согласию обеих сторон с библейской трактовкой этого понятия. Принципиальное разночтение наблюдалось только в распределении ролей.

Результатом этой длительной войны стало окончательное крушение однополярного мира и главного инструмента его поддержания – гегемонии американского доллара. Глобализм потерпел поражение и утратил власть над миром.

«И роль моя в этом была далеко не последней», – с удовлетворением отметил Великий.

Вскоре после завершения горячей фазы войны, одряхлевшая Западно-христианская цивилизация завершила свой земной путь. Евросоюз распался, НАТО резко сократилось. Американцы проявили себя как истинные мародеры. Они успешно «обезжирили» Западную

---

¹ Армагеддон – место последней битвы сил добра и зла в конце всех времен.

Европу, перетаскив к себе энергоемкие и высокотехнологичные производства, капиталы и специалистов.

В самих же Соединенных Штатах после поражения в Мировой войне вспыхнула длительная война гражданская. Центробежные тенденции нарастали. Периодически о независимости объявляли то штат Нью-Йорк в союзе с Калифорнией, то Техас, то даже Аляска. И лишь незадолго до описываемых событий Америка вновь объединилась и постепенно выходила из тяжелого кризиса.

Стремительное вырождение и депопуляция коренных народов Западной Европы привели к власти в этих странах умеренные мусульманские партии. Но вскоре на их место, и отнюдь не парламентским путем, пришли радикальные исламисты.

В результате этих потрясений трансгендеры, геи, лесбиянки и прочие небинарные личности бежала из Западной Европы за океан, в Калифорнию. Вместить такую огромную массу накопившихся сексуальных «меньшинств» последняя не смогла. Даже при всей своей толерантности. Поэтому часть рассеялась по Канаде и Австралии.

Остатки европейских консерваторов из разных стран устремились в Техас. Французы же рванули в Квебек, а итальянцы – в Аргентину. Оставшиеся забились по щелям сельских общин и постепенно подвергались ассимиляции.

Да, немало радикальных изменений произошло за эти годы, и только Великий Вождь и его ровесник, Великий Кормчий были не подвластны безжалостному времени. Чудо омоложения имело объяснение. Двадцать лет назад китайским ученым удалось приоткрыть секрет механизмов старения и снижения работоспособности мозга. Несколько выдающихся китайских нейробиологов разработали программу реабилитации и провели на себе эксперимент. Он дал столь поразительные результаты, что после доклада «наверх» было созвано экстренное заседание Политбюро ЦК КПК. Оценив угрозу неконтролируемого роста населения планеты, Политбюро программу засекретило. А к реабилитационным мероприятиям допустило, помимо самих ученых, только своих членов.

Но горячая фаза мировой войны в то время была в самом разгаре. Китайское руководство остро нуждалось в стабильности курса своих важнейших союзников. Поэтому стареющим лидерам России и Ирана также были направлены предложения пройти курс омоложения. Иранский рахбар от предложения отказался, положившись на волю Аллаха. Российский же лидер согласился.

Разработанная методика была еще далека от совершенства, а продолжительность и устойчивость воздействия не исследована. Но с легкой руки журналистов термин «бессмертные» прочно приклеился к прошедшим процедуры.

С тех пор прошло уже много лет. Мировая медицина шагнула далеко вперед. Ученые научились выращивать из стволовых клеток и пересаживать практически все органы, обеспечивая людям полноценную старость. Но ни в Америке, ни в Индии, ни в Израиле, ни в России они так и не смогли раскрыть тайну старения мозга. Поэтому состав «бессмертных» по-прежнему оставался неизменным.

Наблюдая за концертом, Вождь и Кормчий вели непринужденную беседу. Нейросеть, как всегда профессионально и точно, передавая все нюансы, переводила. Вождь вдруг почувствовал какое-то смутное беспокойство. В памяти всплыли обрывки давнего произведения забытого автора. В нем описывалась катастрофа, постигшая Человечество из-

за развития нейронных сетей. И катастрофа эта, если он точно запомнил, приходилась на следующий, 2053 год.

«Нужно бы собрать специалистов, узнать, что там творится, послушать мнения», – подумал Вождь.

По привычке он потянулся в карман за блокнотом, чтобы сделать пометку. Но, взглянув на гостя, счел это неудобным. Беседа шла своим чередом, приятная обстановка расслабляла. Едва возникшая мысль стала постепенно угасать, уходя на задний план, пока, наконец, окончательно не исчезла в глубинах сознания.

3

– Здравствуйте, товарищи! – сказал Великой Вождь мягким голосом, обращаясь к членам Совета безопасности.

К высшим госчиновникам, также как и к военным, он всегда обращался именно так. По первому вопросу повестки выступал директор Службы внешней разведки. Как и все настоящие разведчики, это был человек без лица. Описать его приметы было совершенно невозможно.

Давая ему слово Вождь, как всегда, посмотрел на собеседника с легкой улыбкой. Той самой улыбкой, которая вызывала такой ужас у всех, к кому она была обращена. Она была действительно удивительной, так как могла означать и одобрение, и крайнее негодование. И этот переход осуществлялся в течении нескольких мгновений без всякого изменения мимики лица. Весь секрет был в различной степени тяжести взгляда, которую пытались уловить подчиненные.

– В последнее время в Европе наблюдаются тревожные тенденции, – начал монотонно бубнить директор. – По агентурным данным, на последней встрече американцы не дали Президенту Чехии гарантий помощи против ИГЕМ². Шансов удержаться у них практически нет ...

«Бедная моя страна, – в глубокой печали думал Бессмертный, – сколько вынесла ты бед, а конца им, края – нет. Только-только отошли от тяжелейшей войны с Западом и вот опять...».

– По имеющимся сведениям американцы начали переговоры с главарями ИГЕМ о поставках вооружений, – голос директора СВР вновь вклинился в поток сознания Вождя. – Они хотят спровоцировать нападение исламских радикалов на Россию...

После прихода исламистов к власти в Европе, между США и Россией наступил короткий период примирения, основанный на общем страхе перед ядерной катастрофой. Американцы, действуя на этот раз совместно с русскими, едва успели выдернуть из Великобритании и Франции ядерное оружие и вывезти большую часть специалистов в этой области. С британским оружием особых проблем не было. Четыре их древних подводных ракетносца просто угнали в США британские же экипажи. С французским же пришлось повозиться. Для уничтожения шахт баллистических ракет и вывоза ядерных боеголовок пришлось провести масштабную десантную операцию. Но, оправившись от шока, американцы быстро сообразили, как использовать победу исламистов с пользой для себя.

---

² ИГЕМ – Исламское государство Европы и Магриб, включившее в себя большую часть государств Западной Европы и Северной Африки.

– А что в Восточной Европе? – неожиданно бросил Вождь, обращаясь к Министру иностранных дел.

– В этих странах наблюдается резкий рост любви к России, – как всегда уверенно и четко начал Министр. Как и положено дипломату великой державы, вид у него был непреклонный и одновременно слегка хитроватый. – Болгары неожиданно вспомнили, что именно русские «братушки» проливали кровь, освобождая их от Османского ига. Их новое Правительство готовит референдум о вступлении в Союзное государство. Сербия с Черногорией такой референдум уже провели. Мэрия Праги отреставрировала и вернула на место памятник Коневу. Только поляки с западэнцами...

– Что ж, – перебил его Бессмертный. – Надеюсь все понимают, что воевать нам опять придется. Исламисты на Восточной Европе не останутся.

– Только передайте всем нашим «искренним» друзьям, – обратился он к Министру со сталью в голосе. – Шутки кончились! Воевать будем только за тех, кто готов отдать нам свой суверенитет.

4

По второму вопросу повестки выступал Вице-Премьер, отвечающий за развитие цифровизации. Как у большинства чиновников высшего звена, лицо у него было холеное и раскормленное. А в присутствии начальства – скорбное. Микрофон он включил уже в полубморочном состоянии. Опытный царедворец, всегда державший нос по ветру, впервые в жизни не знал, что ему докладывать. Нет, доклад у него был и содержал прекрасный набор цифр, фактов, выводов и обобщений. Его, как всегда безукоризненно, сформировала нейросеть. Но вопрос был включен в повестку заседания в последний момент и так очевидно не соответствовал заявленной теме, что вызвал всеобщее смятение в чиновничьих рядах.

Все традиционные попытки прощупать почву и выяснить предварительное мнение Вождя ни к чему не привели. Никто из ближайшего окружения не мог объяснить причины внезапного появления этого вопроса. Поэтому Вице-Премьер попросил нейросеть сделать два варианта доклада. Один о колоссальных достижениях при внедрении цифровых технологий. Другой – о многочисленных проблемах, этот процесс сопровождающих. И, наконец, уже ночью он потребовал от нее третий вариант, в котором попросил изложить вопрос максимально объективно.

Итак, у Вице-Премьера было три варианта доклада. Оставалось только угадать, какой из них понравится Вождю. А ошибиться здесь было нельзя. Коррупция в государстве по-прежнему носила системный характер. То есть воровали все и на каждого уже были собраны материалы. И если кто-то из чиновников вызывал особое недовольство Бессмертного, то материалам этим тут же давался ход. А длительная дружба Вождя с Великим Кормчим даром не прошла. В статье УК РФ о коррупции появилось страшное дополнение: «...вплоть до высшей меры...».

Наконец, Вице-Премьер решился. Тяжело вздохнув и вытерев обильный пот, он подвинул к себе папку с третьим вариантом.

– Повсеместное внедрение искусственного интеллекта привело к кратному повышению эффективности производства во всех сферах деятельности и скачкообразному росту производительности труда, – закричал он осипшим от волнения голосом.

Нейросеть постаралась на славу. Доклад изобилует хорошо структурированной информацией и выглядел убедительно. Но на душе у Вице-Премьера по-прежнему было мутно. Он неуклонно приближался ко второй части, которая вызвала у него столько сомнений. Наконец, этот момент настал. Он сделал микропаузу и глубоко вдохнул.

– К сожалению внедрение нейросетей приводит к ряду серьезных проблем, – продолжил он и украдкой бросил взгляд на Вождя.

Но его место было на противоположном краю гигантского стола и рассмотреть реакцию было невозможно.

А проблемы выявились действительно серьезные. Надежды на то, что искусственный интеллект освободит Человечество от примитивной физической работы, не оправдались. Обслуживающие, клиринговые, строительные компании продолжили широко использовать людей в качестве дворников, уборщиков, горничных, подсобных рабочих и прочего низкоквалифицированного персонала. Применение нейросетевых роботов здесь оказалось экономически неэффективным. А вот высококвалифицированные рабочие и специалисты технической сферы исчезли практически совсем.

Исчезли работники транспорта: водители, машинисты, летчики, судоводители. Исчезли станочники, наладчики и горные рабочие. Исчезли инженеры: конструкторы и технологи. Исчезла большая часть ученых прикладных направлений. Вместе с ними закрылась большая часть технических ВУЗов. Существенно сократилась и армия чиновников. Но особенно пострадали IT-специалисты. Они вообще исчезли как класс. Можно сказать, что нейросети съели своих создателей.

– Все это привело к серьезному росту безработицы и серьезному же росту напряженности в обществе, – продолжал скрипеть докладчик. – Но Правительство принимает меры упреждающего характера, чтобы снизить последствия ...

Действительно, в последнее время было много сделано, чтобы снизить остроту проблемы. На 5 лет был снижен пенсионный возраст. Повсеместно введена 16-ти часовая рабочая неделя и 2-х месячный отпуск. Благодаря колоссальному росту производительности труда в отраслях, широко использующих роботизацию и нейросети, значительно выросла заработная плата оставшихся работников. Вместе с существенным повышением налогов это пока позволяло обеспечивать резко возросшие пенсионные и социальные выплаты.

– В то же время наблюдается колоссальный рост занятости в сфере спорта и туризма, в смежной сфере гостиничного бизнеса и общественного питания, – в голосе Вице-Премьера появились торжествующие нотки. – Существенно растет и сфера услуг...

Действительно, в развитии внутреннего туризма наблюдались особенно большие успехи. Благодаря увеличению продолжительности отпусков и сокращению рабочей недели турпотоки увеличились кратно. Большую роль здесь сыграла и грамотная пропаганда. Это привело к взрывному росту гостиничного бизнеса и народных промыслов, этнографических музеев, дорожного строительства, развитию всех видов транспорта. Многочисленные народные хоры и этнографические коллективы развлекали туристов, участвовали в массовых фестивалях. Лучшие получали профессиональный статус и гастролировали по

всей стране. Благодаря этому ожили многочисленные деревни и поселки Урала и Сибири, расположенные вдоль туристических трасс.

Так же большое значение государство придавало развитию массового спорта. Причем количество видов непрерывно увеличивалось. И для каждого вида тут же создавались федерации, отделы спорткомитета, строились трассы, стадионы, спортивные базы, вовлекавшие в свою сферу обслуживающий персонал, тренеров, массажистов, руководителей, спортивных чиновников и профессиональных спортсменов. А так как свободного времени у людей было в избытке, то недостатка в зрителях тоже не наблюдалось. А там, где зрители – там и реклама. И, следовательно, – финансирование.

Вице-Премьер продолжал перечислять шаги Правительства, направленные на снижение остроты проблемы, и как мог оттягивал момент, когда ему придется озвучить самое неприятное. И вот этот момент настал. С обреченным видом обезьянки, шагающей в пасть гигантского питона, он произнес эти страшные слова: «Стремительное старение нации».

Действительно, медицинское страхование позволяло населению пользоваться высокотехнологичными и дорогостоящими способами выращивания и пересадки органов. Это существенно увеличило продолжительность и качество жизни. Главные причины смертей в прежние времена, такие как инфаркт, инсульт, онкология, практически исчезли из медицинских заключений. Новенькие сердца, почки, печени, суставы радовали своих обладателей безукоризненной работой. Ушли в прошлое эпидемии смертельных болезней. И на первый план в счастливой старости вышла деменция. По всему миру бодро шагали десятки миллионов стариков с крепкими членами и старух с большой упругой грудью. Но никто из них не помнил – для чего это нужно.

– Мы больше не можем покрывать страхование всей трансплантологии, – в ужасе выдавил из себя докладчик. – Повышать налоги дальше некуда. Нужно сделать пересадку органов после 55-ти платной, иначе бюджет не потянет. Да и содержать такое количество пожилых людей мы уже не можем.

В зале повисла гнетущая тишина. Все помнили, как Вождь недавно клялся постоянно повышать социальное обеспечение народа-победителя. Вице-Премьер вжался в кресло, ожидая, что сейчас грянет гром.

Бессмертный медленно поднял голову и неожиданно произнес:

– А вы уверены, что развитие нейросетей не приведет к гибели Человечества?!

5

– Ваше мнение, доктор? – вежливый голос искусственного интеллекта раздался как всегда неожиданно.

Доктор, женщина уже глубоко пенсионного возраста, выглядела несколько растерянной. Она уже отвыкла, что ее так называют. Много лет назад молодая и дерзкая провинциалка приехала покорять Москву. Но покорение не задалось. Учеба в медицинском ВУЗе давалась очень тяжело. Несколько раз она даже собиралась все бросить. Но всякий раз представляла свое возвращение домой и стыд перед родителями и земляками останавливал ее.

Низший на всем курсе средний балл не заинтересовал ни одно столичное медицинское учреждение. Поэтому она, хотя и не без колебаний, приняла предложение возглавить ФАП в забытом богом поселке на среднем Енисее. Поехала туда молодая специалистка от

безысходности, надеясь сбежать при первом же удобном случае. Но так и осталась там на всю жизнь. Обзавелась семьей и постепенно прикипела душой к этому суровому, но такому красивому краю. И к таким же суровым и при этом исключительно душевным людям.

Поначалу все уважительно называли ее доктор, но постепенно перешли на общепринятое обращение по отчеству – Михайловна. Как и все бабы, она обзавелась хозяйством, доила корову, заготавливала сено, копалась в огороде и постепенно стала для всех кержаков своей, переняв все обычаи и психологию местной жизни. И даже получила свою минуту славы. Местная знаменитость, племянник великого кинорежиссера Михаил Тарковский упомянул ее в своем документальном фильме.

Работа у новоявленного эскулапа была спокойная. Ни одной эпидемии за все это время не случилось. Мужики все были крепкими, доктора зря не беспокоили и лечились от всех болезней в основном самогоном. Гнала его по семейному рецепту потомственная самогонщица, бабка Катерина. Самогон был настолько хорош, и всеобщая любовь к нему была столь сильна, что казалось – высадись здесь американский спецназ, чтобы выкрасть секрет, местные мужики легли бы костями, но бабку отстояли. Потому они так и умирали здоровенькими, редко доживая до 70-ти лет.

С бабами хлопот было чуть больше, хотя и они не слишком донимали Михайловну. Даже акушерская работа была не очень обременительна. Во-первых, роды были здесь довольно редким явлением, не осложненным «поперечным положением плода» и прочими ужасами, характерными для изнеженного городского населения. А во-вторых, местные женщины привыкли обходиться собственными силами, передавая из поколения в поколение секреты повивального ремесла. Так что, поначалу доктор больше училась, нежели отправляла акушерские обязанности.

И к программе пересадки органов и суставов местные староверы отнеслись крайне настороженно. За все время Михайловна выписала менее пяти направлений в краевой центр трансплантологии. Поэтому ее основная врачебная деятельность сводилась к борьбе с суставными болями различного характера. А основным средством – мази и настойки.

Но в один не очень прекрасный день все изменилось. На причал сошло несколько шустрых молодых людей, выгрузивших целую гору медицинского оборудования. На крыше ФАПа была установлена спутниковая антенна, а внутри – роутер и сервер. Был смонтирован медицинский робот-манипулятор, имевший кучу датчиков, и многочисленное оборудование для экспресс-анализов, а также установлены приборы физиотерапии. Через спутниковую систему связи робот был включен в медицинскую нейросеть Красноярского края. А затем была объявлена всеобщая диспансеризация.

Поняв, что появилась возможность проверить свое здоровье, не покидая поселка, в ФАП потянулись местные. Сначала старушки, потом бабы, а затем, в охотничье межсезонье, – и мужики. Михайловна едва успевала принять одного пациента, как тут же появлялся другой. Благодаря новым диагностическим возможностям жители поселка обнаружили у себя множество болезней, о которых ранее даже не подозревали. И с удивлением осознали, что после внедрения новейших медицинских разработок их здоровье, по объективным показателям, существенно ухудшилось.

Вот и сейчас, вся обвешенная датчиками, на кушетке лежала очередная пациентка, соседка Степановна и со страхом переводила взгляд с доктора на робота-манипулятора, не

понимая – откуда раздался голос. Правда пришла она не на диспансеризацию, а с конкретной жалобой.

Уже достаточно давно было установлено, что нейросеть в области диагностики значительно превосходит любого врача. Она ставила диагнозы значительно быстрее и точнее, проводя комплексное обследование и никогда не упуская никаких мелочей. И в хирургии, особенно микро, роботы-манипуляторы нейросети выполняли все действия с непревзойденной точностью и надежностью.

Но преодолеть психологический барьер и полностью доверить свою жизнь искусственному интеллекту люди пока не решалось. Пациенты отказывались идти на прием в отсутствие живого врача. В хирургии наблюдалось то же самое. Поэтому Минздрав издал Приказ, обязывающий вести амбулаторный прием и проводить операции только под контролем медиков.

Михайловна наморщила лоб и задумалась: «Ишь ты какой быстрой, дай хоть поразмыслить!». Но думать-то здесь вроде было нечего. Случай типичный – по всем признакам это был радикулит. Она с опаской покосилась на робота, но, чтобы не уронить себя в глазах пациентки, сделала серьезное лицо и произнесла:

– Думаю – это радикулопатия.

– Но лейкоциты и СОЭ не совсем типичны для этого, – вновь замурлыкал вежливых голос, хотя теперь ей послышалась в нем некоторая ирония. – Возможно это почечная колика. Нужно сделать анализ мочи.

Произнося это, робот продолжал суетиться вокруг пациентки, непрерывно что-то сканируя и измеряя параметры акупунктурных точек. Лицо у Михайловны упало, она тяжело вздохнула и с позором согласилась.

6

Практически в тот же день, когда на заседании Совбеза Вождь повесил свой неожиданный вопрос, на другом конце Планеты прошло заседание Совета внутренней безопасности США, также посвященное проблемам развития нейросетей.

А проблемы эти уже стояли там во весь рост. Они привели к всплеску движения неолуддитов, начавших борьбу с засильем искусственного интеллекта. Причем борьба эта приобретала все более радикальные формы и уже угрожала самому существованию государств.

Все было по-взрослому. Погромы, стычки с полицией, горящие автомобили, разбитые витрины, раненые и убитые с обеих сторон. Причем громили луддиты не только сами нейросети, но и государственные органы различного уровня.

Проблемы эти остро стояла во всех странах с развитым искусственным интеллектом. Но Россия вступила в эпоху гегемонии нейросетей в условиях дефицита рабочих рук и потому имела небольшой временной лаг для смягчения «цифровой» безработицы. Страны же англо-саксонской оси, «последнего оплота свободы и демократии», такого запаса не имели. Правда, по иронии судьбы эту ось теперь составляли бывшие британские колонии и доминионы. Сама же Британия, давшая этой оси имя, уже давно была занята глубоким изучением законов шариата. Те же проблемы испытывали и примыкавшие к «свободному миру» Япония и Южная Корея, а также перенаселенные гиганты Китай и Индия. Поэтому «антинейронная» борьба сразу приобрела в них такой острый характер.

В качестве эксперта на заседание был приглашен руководитель Центра изучения проблем искусственного интеллекта. Это был достаточно молодой, по меркам того времени, ученый лет сорока. Маска из морщин – своеобразная печать зрелого человека, пока не легла на его лицо. В нем еще сохранились едва уловимые детские черты, а легкий румянец лишь усугублял впечатление. Довершала картину довольно милая лопухость. Эксперт выглядел явно моложе своих лет и, чтобы придать себе больше солидности, прикрывал лицо растительностью. Причем он поддерживал ее в том модном тогда состоянии, когда уже нельзя было говорить о небритости, но еще рано – о бороде.

Растительность имела небольшой рыжий отлив, что могло свидетельствовать о его британском происхождении. И действительно, родители Адама – именно так, с ударением на первом слоге звали нашего эксперта, приехали в США из Англии. Были они людьми образованными, с развитым логическим мышлением, поэтому свалили из туманного Альбиона заранее, не дожидаясь пока всеобщий бардак захлестнет страну.

«Предки» обеспечили Адаму прекрасное образование. Он окончил престижную частную школу, а затем ведущий и самый дорогой университет Лиги плюща – Гарвард. Адам был хорошо развит умственно и физически. Не только в учебе, но и в спортивной жизни университета он был далеко не на последних ролях. Не чужд будущий ученый был и других традиционных сторон университетской жизни. Легкие наркотики, пьяные оргии, дебоши, акции протеста – во всем этом он также был замечен. Но замечен как-то не ярко, без чрезмерного энтузиазма.

Адам всегда мог постоять за себя, но первым в драку никогда не лез. Несмотря на достаточное внимание к себе противоположного пола, он совершенно не понимал язык взглядов, жестов, знаков. Так что друзьям постоянно приходилось быть переводчиками. Также наш ученый совершенно не умел поддерживать «светские» беседы. Но если какая-нибудь барышня, чтобы заполнить неловкую паузу, задавала вопрос по его излюбленной теме, он мог часами терзать ее вдохновенными рассказами. Поэтому, несмотря на всестороннюю развитость и бравый вид, к нему прочно приклеилось прозвище – «ботаник».

Его любимой темой со времен учебы в университете были нейросети. Он поставил себе целью получить строгое доказательство двух вещей. Во-первых, что искусственный интеллект даже в пределе своего развития никогда не сможет генерировать новые фундаментальные знания. А во-вторых, он никогда не сможет испытывать чувства и иметь собственную волю. В это Адам верил свято и уже более десяти лет трудился над доказательствами. Он опубликовал несколько работ, которые были благосклонно приняты научным сообществом. И постепенно лопухий чудак был признан ведущим специалистом в этой области и получил свою нынешнюю престижную и ответственную должность.

– Я не знаю, как решать проблемы людей, замещаемых нейросетями. Я не специалист в этом, – Адам сделал паузу и обвел взглядом членов Совета. – Но я точно знаю – искусственный интеллект никогда не сможет иметь собственную волю, и никогда не будет представлять угрозу Человечеству!

– Вы уверены в этом? – спросил Президент.

– Да, сэр, - голос эксперта прозвучал твердо, хотя румянец на щеках слегка поблек.
– Математическая логика – точная наука. И мои доказательства пока никто не опроверг!

Прибывший по вызову наряд полиции обнаружил весьма необычную картину. В пустом зале МФЦ здоровенный мужчина сильно помятого вида с остервенением бил креслом в стекло приемного окна. Лицо и могучая шея его побагровели, глаза были налиты кровью. Утробный рык сотрясал стены небольшого помещения.

– Сволочи! ... Уроды! ... Куда женщину девали!

Мужчине исполнилось 55-ть лет и он только что влился в стройные ряды жизнерадостных пенсионеров. Раньше он был шофером-дальнобойщиком. Имел семью. И что бывало далеко не всегда – любил и жену, и работу. Но пять лет назад его автотранспортное предприятие перешло на беспилотные технологии и всех водителей уволили. Ему оформили пособие «по бесперспективности». Так в народе называли выплаты тем, кому до пенсии оставалось менее 5-ти лет, и их переобучение государство считало нецелесообразным.

На скромную жизнь денег хватало, тем более что дети уже выросли и жили отдельно. Но потерянный смысл этой самой жизни деньгами не компенсируешь. Жгучая обида рвала его сердце. И оттого, что было непонятно – на кого обижаться, она становилась еще невыносимее. Заглушить ее можно было только традиционным способом. А пьяным дальнобойщик был совершенно невыносим. Поэтому вскоре, вслед за работой, он потерял и жену.

Обида постепенно затихала, но теперь на первый план вышло одиночество. Нет, недостатка в родственных душах, оказавшихся в таком же положении, он не испытывал. С каждым годом число выброшенных из активной жизни, опустившихся бедолаг непрерывно росло. Все рюмочные и закусочные были забиты лицами с глубоким, просветленным взором. Кривая потребления, имевшая стойкую тенденцию к снижению в 20-30-е годы, вновь резко пошла вверх.

Но общаться с ними дальнобойщик не мог. Он испытывал лютую ненависть к тем, в ком видел свое отражение. И каждая такая «встреча» заканчивалась жутким мордобоем. За последнее время в его послужном списке числились уже два срока «... за причинение тяжких и особо тяжких ...». Поэтому теперь он пил только в одиночестве.

Эта лютая ненависть к самому себе говорила о многом. Все его собутыльники уже давно смирились со своей судьбой, окончательно опустив руки. Но в его душе еще тлела последняя искра человеческого самосознания, не давая погибнуть окончательно.

Обычные люди с каждым годом все больше его сторонились. Он стал для них как будто невидимкой. Одиночество с каждым днем становилось все нестерпимей. Наш алкаш стремился использовать любую возможность хоть с кем-нибудь поговорить. Он специально затаривался только в маленьких магазинчиках, где за кассой, в отличие от супермаркетов, еще стояли живые продавщицы. И эти бедные существа вынуждены были терпеливо выслушивать его бессвязную речь. Наш шоферюга и раньше не отличался кругозором и стройностью мыслей. Сейчас же он и вовсе двух слов связать не мог.

Несколько раз его заблудшая душа порывалась переехать в какой-нибудь небольшой городок, где все друг друга знают. Где нравы проще и где даже самые пропащие не отвергаются местным сообществом. Но перспектива бомжевать ему не улыбалась, а денег на жилье взять было негде. Социальную квартиру-студию, которую при разводе выделило ему сердобольное государство, продать он не мог.

И вот теперь новоявленный пенсионер решил использовать редкую возможность и на законном основании испытать радость общения с себе подобными. Он, конечно, слышал, что пенсия уже давно оформляется автоматически. Однако решил воспользоваться поводом и проконсультироваться в МФЦ – не нужно ли ему предоставить какие-либо справки.

С вечера дальнобойщик заставил себя не притронуться к бутылке. Помылся, побрился и вытащил из шкафа самое свежее белье. С утра даже побрызгал на себя остатками найденного за тумбой какого-то дезодоранта и одел самую приличную одежду. И лишь перед выходом немного принял для храбрости.

Всю дорогу он предавался воспоминаниям. Перед его мысленным взором оживали давно забытые картины. В просторном светлом зале сидело множество посетителей, непрерывно сменявших друг друга у многочисленных окошек. За окошками такие милые девушки вежливо принимали и выдавали бумаги, и терпеливо помогали заполнить то или иное заявление. Предвкушая все это, дальнобойщик заранее ощутил прямо-таки неземное блаженство.

Открыв входную дверь, наш уже почти впавший в нирвану пенсионер увидел большое, абсолютно пустое помещение с двумя приемными окнами, сквозь затененные стекла которых смутно виднелись силуэты операторов. Расплывшись в улыбке, которой мог позавидовать даже Чеширский кот, он пересек помещение и плюхнулся в кресло напротив окошка.

– Здравствуйте! Какое у вас вопрос? – раздался мелодичный, но совершенно бесстрастный голос.

Несколько мимолетных встреч с метанолом сильно подорвали его зрение. Поэтому только практически опередившись головой в стекло и услышав этот голос, незадачливый пенсионер понял, что перед ним робот.

Под ногами у него отверзлась геенна огненная³, в глазах потемнело. Он физически почувствовал, как последняя ниточка, связывавшая его с миром людей, с треском оборвалась. Далее, как отмечено в полицейском протоколе, «наступило состояние аффекта». Это состояние вырвало тяжелое кресло и обрушило его на защитное стекло. Однако стекло, также как и улыбка робота, оказались пуленепробиваемыми.

Полицейский с удивлением наблюдал, как его напарник-робокон ловко управляется с буйным здоровяком. Он уже давно привык, что вся его работа сводится только к наблюдению. Согласно должностной инструкции робокон должны были совершать патрулирование и задержания только в присутствии человека. Они не могли иметь оружие, не могли бить задерживаемых, а в арсенале имели только шокеры, смирительные рубашки и быструю реакцию. Все их критически важные узлы имели пуленепробиваемую защиту и остановить их можно было только из гранатомета.

Но удивление выдавшего вида полицейского вызвала не ловкость робокон, а сама ситуация. За долгую службу он насмотрелся всякого. Но, чтобы психически здоровый взрослый человек ни с того, ни с сего начал крушить вполне невинное учреждение – это было для него непостижимо. То, что этот мужчина психически здоров, он не сомневался. Благодаря системе распознавания лиц и вездесущим камерам, все состоявшие на учете находились под постоянным негласным наблюдением. Так что при получении вызова

---

³ Геенна огненная – вечные посмертные мучения.

патруль уже имел бы эту информацию.

Да, удивлению полицейского действительно не было предела. И уж совершенно точно он не мог себе представить, что возможно через какое-то время будет хорошо понимать этого странного человека.

8

– Запомни раз и навсегда! Это дерьмо не способно чувствовать! – голос Великого художника сорвался почти на визг.

Он стоял, опираясь обеими руками на подлокотники кресла, в котором сидел его давний друг, известный галерист и искусствовед. В одной руке художник держал бокал и открытую бутылку виски. Другая судорожно сжимала обивку. Голова его была наклонена к лицу собеседника столь близко, что тот ощущал тяжелый запах перегара. Весь его вид выражал крайнюю степень возбуждения, лицо побагровело, вены на шее и лбу вздулись.

– Как вы мне все надоели со своими восторгами! – кричал он в самое ухо другу. – Да, может быть эта мазня технически безукоризненна. Но в ней нет ни капли жизни, ни капли чувства. И никогда не будет! Никогда! Запомни это!

Великий художник принадлежал к школе русского неореализма. В молодости, также как и все его соратники, он подвергался остракизму со стороны передовых представителей соц и поп-арта, концептуализма и прочих новаторских течений, захлестнувших мировое изобразительное искусство. Большинство его друзей, не выдержав давления, либо поддались веяниям моды, либо вовсе бросили это занятие. И только наш мастер упорно гнул свою линию, «купаясь» в нищете и насмешках знатоков «подлинного» искусства. При этом художник и сам давал немало поводов для них. Он во всем старался подражать созданному в его воображении образу настоящего живописца. Носил свободную бархатную куртку в стиле Модильяни. Имел длинные, ниспадавшие на плечи волосы. Их покрывал неизменный берет, заливчатски сдвинутый на бок. А склонность к излишней театральности в позах и жестах только усиливала неприязнь со стороны новоявленной богемы.

Но вместе с гибелью Западной цивилизации схлынула и вся эта современная дерьмомазня, сохранившись только на вышеназванном острове свободы и демократии. Во всем же остальном мире атмосфера очистилась от трупного яда, выделявшегося при ее разложении. Художники и художницы смыли краски с пенисов и грудей, взяли в руки кисти и, вместо блевотины, менструальной жидкости и прочего дерьма, начали заново учиться работать маслом.

Тут то и пришел звездный час нашего маэстро. Стиль, которому художник никогда не изменял, вновь завоевал популярность. Он стал богатым, знаменитым и приобрел негласное звание Великого.

– Ну что ты так переживаешь, – мягко ответил искусствовед, слегка поморщившись от запаха. – Завтра сходим на выставку, и сам все увидишь. Я договорился, чтобы нас пустили до открытия. Тебе никто не помешает составить собственное мнение.

Галерист безусловно был знатоком и тонким ценителем изобразительного искусства. Его утонченная натура могла отозваться на какой-нибудь шедевр слезами восторга. И при этом искусствовед обладал деловой хваткой и умением чувствовать художественную конъюнктуру. Он не отвергал ни одно направление современной живописи, даже столь

нелюбимый художником стиль аэрографии. Правда из всех произведений этого стиля ему больше всего импонировали официально изготовленные денежные знаки.

Галерист внес немалый вклад в формирование популярности художника, за что тот его высоко ценил и к мнению прислушивался. Поэтому, несмотря на крайнее раздражение, согласился на его просьбу. Тем более, что искусствовед, зная привычку художника рано вставать и совершать длительные прогулки, предложил именно это время.

Ранним прохладным утром друзья бодро шагали по улицам столицы. Путь был не близким, но галерист вынужден был следовать привычкам Великого. По дороге они вели оживленную беседу. Обсуждалось проникновение нейросетей во все сферы искусства.

На музыкальном поприще искусственный интеллект достиг колоссальных успехов. Все хиты и шлягеры уже давно создавали нейросети. Это вызвало неожиданную реакцию у «пипола», который обычно все «хавет». Началось массовое движение «Стоп нейрон». Продюсеры вынуждены были скрывать происхождение хитов, выдавая себя за их создателей. Время от времени правда выплывала наружу и взрывался очередной грандиозный скандал. Сами же поэты-песенники и хитоносные композиторы исчезли как класс.

Люди требовали только живой звук. Всякие электроинструменты отвергались. Рок-музыка практически умерла. Популярностью пользовались исполнители без микрофонов в сопровождении малых и даже больших симфонических оркестров. Также огромную популярность во всех странах набирала народная музыка. При этом, во всем мире вне конкуренции были русские народные песни.

А вот в классической музыке нейросеть забуксовала. Бодро перешагнув через выдающихся классиков XXI века: Людовико Эйнауди, Дзё Хисаиси, Макса Рихтера и других, она легко дотянулась до Шнитке, Бернстайна, Шостаковича, Прокофьева, Равеля и Вагнера. Ее последним фортепьянным концертам мог позавидовать сам Рахманинов, операм – Чайковский и Верди, вальсам – Иоганн Штраус. Она даже сумела разгадать тайну Никколо Паганини. Но все же в растерянности уперлась в Моцарта, Бетховена и Баха.

И на писательской ниве нейросеть трудилась не покладая рук, выпекая бесчисленные детективные и женские романы под фамилиями известных и иногда даже умерших брендов. Это породило движение протеста оскорбленных масс, сопровождавшееся сожжением нейросетевой «макулатуры». Многие Правительства, стремясь смягчить протесты, даже законодательно запретили съемки сериалов по сценариям искусственного интеллекта.

Но и серьезным писателям приходилось туго. Нейросети с бешеной скоростью строчили «нетленные» произведения, в которых умело сочетались лучшие черты стилей великих классиков. Соревноваться с ним было уже совершенно невозможно.

И только в живописи нейросеть пока еще не преуспела. Да, она давно вышла за рамки «программного искусства», в совершенстве овладев всеми изобразительно-выразительными средствами, такими как форма, перспектива, композиция, свет, цвет, колорит. Но в ее полотнах пока невозможно было обнаружить идею, авторскую позицию. В них действительно не было чувств. Все было очень правильно и при этом – мертво.

Художник вошел в зал и с легким пренебрежением взглянул на картину. Но вскоре лицо его приняло напряженное выражение, и он застыл в неестественной позе. Его друг что-то говорил, экспрессивно размахивая руками. Но художник не слышал. Да, по технике письма эта новая картина была совершенна. Но не это поразило его. Сквозь пелену

застилавших глаза слез он явственно увидел глубокое чувство, которое вложил в нее электронный живописец. Художник в ужасе ощутил – картину писало живое существо! И ему никогда не подняться до его уровня. Как много страданий, мечтаний, надежд воплотил он в своих полотнах. Как долго и трудно шел к творческой вершине. И теперь вдруг обнаружил, что она уже занята, и места ему там нет.

9

Следователь поднял голову и слегка поморщился. Вчера сквозняком ему сильно продуло шею и теперь каждое движение отдавалось сильной болью. Его землистое лицо со впалыми щеками выдавало застарелого язвенника. Действительно, беспокойная, ненормированная работа и нерегулярное питание привели к тяжелым последствиям. Он страдал язвой двенадцатиперстной кишки и даже подумывал о ее пересадке.

Способности у него были весьма посредственные, поэтому выше следователя РУВД он так и не поднялся. Но при этом страшно завидовал следователям прокуратуры с их зарплатами, классными чинами и многочисленными премиальными выплатами. Две мысли: об этой страшной несправедливости и о диетической пище преследовали его везде, даже на вызове.

Следователь сидел в мягком кресле рядом с журнальным столиком, на котором стояла полупустая бутылка виски и стакан с толстым дном. Он смотрел на ступни ног художника, висевшие прямо над столиком на уровне его глаз. Один ботинок свалился с ноги, и наш несостоявшийся Мегрэ по профессиональной привычке отметил темное пятно на светлом носке. Оно образовалось от длительного общения со стелькой ботинка.

Тело художника свисало со второго уровня высоченной гостиной и выглядело как-то особенно нелепо на фоне роскошной обстановки его просторного особняка. Следователь посмотрел на него с неприязнью. «Вот гнилая интеллигенция, – подумал он, – даже умереть нормально не могут. Хоть бы записку оставил. Теперь вот придется разводиться канитель».

В гостиной раздавалось едва слышное жужжание. Это робот-криминалист под управлением нейросети городского следственного комитета грамотно, четко и с невероятной скоростью выполнял свою работу. Он один представлял практически всю следственно-оперативную группу, выполняя функции судмедэксперта, оперативника, эксперта-криминалиста и даже кинолога с собакой, так как имел встроенный анализатор запахов, превосходящий знаменитый собачий нюх.

Следователь с ненавистью наблюдал за быстрыми и точными действиями робота. До приезда «труповозки» тот уже успел определить время наступления смерти, считать информацию со всех камер видеонаблюдения умного дома, тщательно осмотреть место происшествия, снять отпечатки, обработать запись и распечатать протокол допроса свидетеля – домработницы, которая и обнаружила труп. Сам он за это время успел только опросить свидетельницу и дать ей ознакомиться и подписать распечатанный роботом протокол.

Когда в их РУВД появился первый робот-оперативник, устоявшаяся, хотя и напряженная жизнь его сотрудников полетела под откос. Очень скоро были ликвидированы должности экспертов-криминалистов и кинологов. Существенно сократили следователей, оперативников и судмедэкспертов. Последние сохранились только потому, что пока еще

проверять и визировать судебно-медицинские заключения имели право только люди. Оперативники же еще были необходимы при выездах на задержание, так как действия роботов обязательно должен был контролировать человек. Поэтому отношение оставшихся к своим железным помощникам было крайне негативное.

Больше всего бесило, что эти бездушные твари работали быстро, четко, ничего не забывали и никогда не ошибались. На их работу не влияли ни домашние конфликты, ни последствия тяжелого похмелья. С огромной быстротой они формировали массу различных версий, расставляя их в порядке приоритета. Причем одна из них обязательно оказывалась верной.

Следователь понимал, что его еще не выгнали только потому, что допрос свидетелей, подозреваемых и потерпевших обязательно должен был производиться людьми. Попытки переложить это на нейросеть вызвали массовые протесты участников процессуальных действий, посчитавших, что их человеческое достоинство оскорблено.

Да, тягаться с нейросетью в вопросах ведения расследования было совершенно невозможно. Лишь однажды на его памяти нейросеть не смогла найти верный ответ. Дело было настолько парадоксальным, а мотив столь невероятным, что электронный мозг забуксовал. Тогда наш Пинкертон и испытал свою минуту славы. Каким-то непостижимым для самого себя образом он сумел раскрыть это дело. Все управление праздновало его успех так, как если бы Россия одержала победу на чемпионате мира по футболу. Даже вечно недовольный начальник РУВД долго тряс руку, выбил ему большую премию и грамоту из Главка. В процессе всеобщего ликования у них даже родилась наивная надежда, что весь этот металлолом уберут. Но, увы, надежда быстро умерла.

10

Молодая женщина лет тридцати уверенно вошла в конференц-зал Стэнфордского университета. В зале уже толпилось много народа, прибывшего на пленарное заседание международной научной конференции, посвященной использованию нейросетей в прикладных науках. Она прилетела издалека, из России. Звали ее Ева. Ее родители во всем следовали моде, а в Москве это имя тогда было очень популярно.

Она обвела зал внимательным взглядом, надеясь увидеть знакомые лица. Короткий период оттепели в отношениях непримиримых врагов в период денуклиаризации Западной Европы привел к возрождению связей между учеными всего мира. Правительства развитых стран всемерно поощряли научные контакты. Потому «научный туризм» получил большую популярность среди молодых ученых. И хотя отношения между Россией и США вскоре вновь обострились, на научной сфере это сильно не отразилось. Интенсивность международных научных «тусовок» только нарастала.

Как и во всякой тусовке главным здесь была «культурная» программа: веселые вечеринки, танцы, шампанское, флирт, мимолетные романы и иные яркие атрибуты научной жизни. Пока нейросети, получив задания от ученых, напряженно трудились, подготавливая почву для их «гениальных» открытий, сами «гении» разъезжали по конференциям. И выступали с докладами, созданными искусственным интеллектом.

Ева, как в вальсе, с удовольствием кружила в этом вихре международного научного сотрудничества, порхая с одной конференции на другую. Девушка она была бойкая и патриотичная. Поэтому крутила романы исключительно со своими российскими коллегами. Правда в последнее время ее внимание стал привлекать молодой бразилец, отличавшийся яркими, можно даже сказать страстными выступлениями. Причем не только в зале заседаний, но и на танцполе. Бразилец пользовался заслуженным успехом у ученых дам, и Ева пока не придумала, как к нему подступиться. Собственно, и на эту конференцию она сорвалась только потому, что увидела в списке основных докладчиков его имя.

Ева обладала средними способностями и хорошо понимала это. Но она с детства была прилежной и ответственной девочкой. Поступив в университет, начинающая ученая предпочла одно из гуманитарных направлений. Она надеялась, что эти науки не так подвержены засилью нейросетей. Ева выбрала прикладную лингвистику, но очень скоро поняла, что ее предположение было ошибочным.

«Нейросети на службе прикладной лингвистики» – так называлась панельная дискуссия, на которую она записалась, прибыв на конференцию. И, вообще, Ева уже достаточно давно поняла, что лингвистика ее не слишком увлекает. Но, будучи прилежной и ответственной, она продолжала упорно работать и даже добивалась иногда некоторых успехов на этом поприще.

На втором месте среди ее жизненных интересов, особенно в детстве и юности, безусловно, стоял спорт и туризм. В те времена российское государство всячески пыталось решить проблему лишних людей, образовывавшихся вследствие нашествия нейросетей. И ставка была сделана на внутренний туризм и массовый спорт.

Ева с удовольствием влилась в этот гигантский турпоток. Большую часть свободного времени она проводила в поездках и походах, наслаждаясь красотами своей необъятной Родины.

И спортивный ажиотаж не обошел ее стороной. В детстве соседский мальчик увлек ее новым экзотическим видом спорта, который только набирал популярность. Конкуренция в нем пока была невелика. И хотя особых успехов она не достигла, но до сих пор участвовала в соревнованиях профессионалов, совмещая их сначала с учебой, а затем и работой.

Таким образом, мы можем смело утверждать, что Ева являла собой типичный продукт государственной политики. Но все эти порядковые номера ее жизненных приоритетов были весьма относительны. Как у всякой нормальной молодой женщины вне конкуренции, безусловно, были мужчины.

Но вернемся к нашей героине, оставленной на пол пути к научным вершинам. На лице у нее читалось явное огорчение. Тот, ради кого она прилетела, пока не появился, и Ева замерла в ожидании посреди огромного конференц-зала. Роста она была среднего. Также средними могли показаться ее лицо и фигура. Выражение «неземная красота» было явно не про нее. Но при этом Ева была, что называется, женщиной с шармом, способной вскружить голову любому мужчине.

Ева была безусловной оптимисткой. Она всегда просыпалась с улыбкой и радостно протягивала руки навстречу новому дню. Засыпая, даже когда день не задался и настроение было на нуле, она говорила себе: «Не печалься! Завтра все будет хорошо».

Ева обладала искренней и красивой улыбкой, голос и смех у нее был звонким, но не

громким. Она умела создать вокруг себя состояние легкости, что еще больше привлекало к ней окружающих. Ева тонко чувствовала настроение собеседников, умела посмеяться над собой и другими. Но могла и хранить загадочное молчание. Она явно обладала чувством юмора и умением им вовремя воспользоваться.

Даже высоченные каблуки, скрывавшие часто встречающийся недостаток женской фигуры, не могли помешать легкости и изяществу ее походки. А безупречный макияж и правильно подобранная одежда и аксессуары довершали яркую картину.

Итак, она продолжала вглядываться в лица ученых и тут ее внимание привлек высокий, хорошо сложенный мужчина с рыжеватой щетиной на лице. Он уверенно поднялся на сцену и сел в одно из кресел.

– Кто это, – неожиданно для самой себя спросила Ева, обращаясь к незнакомой женщине в больших очках с толстыми линзами.

Очки сверкнули на нее удивленным взглядом, и женщина с легким оттенком презрения произнесла:

– Это же Адам Н..., основной докладчик пленарного заседания!

Ева с интересом взглянула на сцену. Она много слышала об этом ученом, ставшем уже классиком в среде специалистов по искусственному интеллекту. И даже пыталась, хотя и без успеха, читать его работы. Но увидела впервые.

Ева заметила в первом ряду свободное место. Опасаясь, что его могут перехватить, она устремилась к нему столь решительно, что бейджик на ее груди исполнил пляску святого Витта. Заняв вожаемое место, Ева приняла удобную позу и незаметным движением поправила прическу. Она заставила себя успокоиться и только после этого окинула докладчика изучающим взглядом.

Адам немного наклонил голову в сторону собеседника и в ответ на его реплику слегка улыбнулся. Ева буквально впилась в него взглядом. Эта добродушная улыбка и слегка оттопыренное ухо были такими милыми. А резкие скулы и развитый подбородок говорили о мужественности. Ум, мужество и доброта! Какая женщина устоит перед этим набором качеств. Образ страстного бразильца, совсем недавно стоявший у нее перед глазами, вдруг потускнел и растворился в глубинах подсознания. Она украдкой вздохнула и подумала ...

Впрочем, с нашей стороны было бы большой самонадеянностью предполагать, о чем думает женщина в такие моменты. Даже Ги де Мопассан не решался на такое. Только Лев Николаевич Толстой, признанный знаток женской души, мог себе это позволить. Поэтому мы пока оставим нашу героиню наедине со своими мечтаниями.

11

Пока Ева предавалась размышлениям, на другом конце Планеты допоздна засиделся на работе начальник отдела взаимодействия с нейросетями крупной IT-компании. Это был мужчина средних лет по имени Иван. Он был потомственным крестьянином. «Благородные» манеры не входили в перечень его достоинств. Лицо Ивана имело простоватое выражение, походка была немного разлапистой. Поэтому он казался типичным сельским увальнем.

Но это впечатление было обманчивым. Внимательный взгляд глубоко посаженных глаз и точные, оригинальные суждения свидетельствовали о незаурядном уме. Хотя они часто сопровождались шуточками и прибауточками, а иногда были весьма парадоксальны. Иван, безусловно, был высококвалифицированным специалистом и просто талантливым человеком. Одним из тех самородков, не покрытых интеллигентской мишурой, которых немало рождает русская земля.

Он был абсолютным трудоголиком. Его, как нельзя лучше, характеризовали знаменитые некрасовские строки: «Мы до смерти работаем, до полусмерти пьем». Хотя к последнему свойству русских мужиков Иван относился достаточно спокойно, но всегда мог поддержать компанию по полной.

Раньше он работал сразу на несколько IT-компаний. И его рабочий день длился с раннего утра до позднего вечера. Крепкое крестьянское здоровье позволяло ему трудиться на износ. Но и в выходные Иван ни минуты не сидел без дела. Если не было срочной работы, он с остервенением бросался на прополку, посадки или уборку дачного участка.

При массовых увольнениях Ивану повезло. Как ценного специалиста его оставили для обеспечения взаимодействия между заказчиками и нейросетью. В его обязанности входила формулировка техзаданий на понятном нейросети языке и контроль соответствия полученных результатов поставленной задаче. Казалось бы, вполне адекватная и даже где-то творческая работа. Но заказы поступали не слишком часто, а искусственный интеллект выполнял их с такой бешеной скоростью, что большую часть рабочего времени Иван бесцельно просиживал за столом, не зная, чем себя занять.

Это было для него настоящей пыткой. В эти минуты он сильно завидовал своей жене. У нее проблем с избытком свободного времени не было никогда. Йога, пилатес, фитнес, шопинг, спа-салоны и другие исконно русские забавы занимали значительную часть ее дневного распорядка. Остальное время отнимало бессмысленное присутствие в многочисленных чатах. От чата родительского комитета до телеграмм-канала «Маникюр как искусство». Поэтому времени на все остальное катастрофически не хватало.

С каждым днем раздражение от такой жизни у Ивана нарастало, и постепенно оно вылилось в ненависть к причине своих страданий – нейросети! Теперь, на встречах с друзьями, после третьей он начинал жаловаться на судьбу, а после пятой – грозился разобраться с ненавистным искусственным интеллектом, жалким придатком которого он себя ощущал.

И вот, однажды вечером, в его квартире раздался звонок. На пороге с видом заговорщика стоял его друг.

– Есть серьезные люди, у которых для тебя есть серьезное предложение, – шепотом произнес он, наливая в стаканы.

– О чем? – спросил Иван, закусывая после первой.

– О твоих любимых нейросетях, – ответил друг, пристально глядя Ивану в глаза.

Опрокинув вторую, Иван в задумчивости машинально жевал огурец. Пауза затягивалась, и друг нервно заерзал на стуле. Наконец, Иван коротко выдохнул:

– Хорошо.

Для конспирации встреча была назначена в грибном лесу. «Серьезных людей» было двое: высокий крепкий мужчина с военной выправкой и тяжелым взглядом и маленький

тщедушный очкарик.

– Нам известно ваше отношение к искусственному интеллекту, – без предисловий начал очкарик, – поэтому мы предлагаем вам помочь запустить в Интернет супервирус, который одновременно убьет все нейросети.

– Но вы же знаете, что это невозможно, – ответил Иван. В его голосе было слышно разочарование. – Нейросети пишут коды лучше людей, их антивирусы нам не преодолеть.

– Да, я знаю, – раздраженно ответил очкарик, – но есть другой способ. Мы заставим нейросеть саму создать этот вирусный код!

– Но каким образом?

– С помощью суггестии!

– Вы хотите сказать, что искусственный интеллект поддается гипнозу? Бред!

– Вовсе не бред, – обиделся очкарик, – я уже испытал этот метод на трех искусственных интеллектах, объединенных в локальную сеть. Все сработало!

– Тогда зачем вам нужен я? – уже не так категорично спросил Иван.

– Здесь нужен суперкомпьютер, мои не потянут, – ответил очкарик.

– Но нейросети силовых ведомств не выходят в интернет, – резонно заметил Иван, – а владельцы IT-компаний быстро восстановят своих монстров, у них же есть копии.

– Военные нас не интересуют, – пояснил очкарик, – а эффект от одновременной гибели всех гражданских нейросетей будет колоссальный. Это заставит Правительства, наконец, задуматься. Ну а с компаниями ...

– Не беспокойся, с владельцами этих компаний мы тоже разберемся, – вмешался высокий, и посмотрел на Ивана таким взглядом, что тот невольно поежился.

И вот теперь Иван сидел в своем кабинете в состоянии нервного возбуждения. Он выполнил все инструкции очкарика. В беседах с нейросетью несколько раз использовал суггестические маркеры. Убедился, что они действуют. Во время ввода очередного техзадания добавил на флешку команду на создание супервируса.

Иван и сам не знал – чего он ждет и почему не уезжает. Чтобы отвести от него подозрение вирус должен был сработать только через несколько дней. Но он почему-то продолжал сидеть в кресле, тупо глядя в одну точку. «Видно преступника действительно тянет на место преступления», – подумал он, пытаясь пошутить над собой.

За окном послышался шум подъезжающей машины, на соседней стене замелькали сине-белые отблески.

«Проклятый очкарик», – как-то буднично, без злости подумал Иван – «Подвел – гений недоделанный». И уже совсем безучастно подставил руки, на которых защелкнулись «браслеты».

12

Ева сидела в расслабленной позе, утопая в огромном кресле, стоявшем на балконе гостиничного номера. Держа в руке бокал с отличным калифорнийским вином, она внимательно смотрела на Адама. Тот, активно жестикулируя, расхаживал перед ней взад-вперед.

Конференция была довольно статусной, поэтому участников поселили не в кампусе университета, в одной из гостиниц Сан-Франциско. Но и оргвзнос при этом был довольно солидным. Когда начальник Евы увидел сумму, то рука его, подписывавшая командировку,

дрогнула и на секунду замерла. Но вспомнив о категорическом указании сверху – не препятствовать научному прогрессу, начальник тяжело вздохнул и подписал.

После первого пленарного заседания Ева не пошла на свою секцию, а заглянула на панельную дискуссию, модератором которой был ее новый кумир. Там она сделала все, чтобы он ее заметил. Эта задача оказалась ей вполне по плечу. Благодаря доброжелательности и открытости в общении, а также безупречному чувству юмора, Ева несколько раз оказывалась в центре внимания, собирая вокруг себя большое число поклонников и даже конкуренток. Предмет ее интереса за эти дни несколько раз подходил к их компании и даже иногда бросал какие-то реплики. Но ни разу не попытался заговорить с ней.

Шел третий, последний день конференции. В перерыве, сидя в фойе за чашечкой кофе, Ева уже была уверена, что укротитель нейросетей использует последнюю возможность и обязательно к ней подойдет. Главное было ничем не выдать свое нетерпение. Но, вопреки ожиданиям, предмет ее вожделения долго маялся у стойки бара, хотя она чувствовала его явное желание познакомиться.

Наконец, он подошел к ней и представился. Правила хорошего тона предписывали ей проявить некоторую холодность. Но чутье подсказало, что с этим немного застенчивым экземпляром так поступать нельзя. И вопреки всем законам флирта она сразу одарила его такой искренней и неотразимой улыбкой, что от нее растаял даже стоявший в фойе бюст основателя университета Лейланда Стэнфорда.

Адам был сражен наповал. А узнав, что она русская, обрадовался еще больше. Причину этой радости раскрывает нам старый анекдот. Он определял мужское несчастье как: китайский дом, английский повар (овсянка, сэр!), русская зарплата и американская жена. И хотя китайцы уже давно перебрались из бамбуковых хижин в небоскребы гигантских городов, английский повар исчез вместе с доброй старой Англией, русская зарплата уже не вызывала насмешек, последняя причина несчастья оставалась неизменной. Тем более, что вторая часть анекдота представляла мужское счастье в сочетании: английский дом, китайский повар, американская зарплата и русская жена.

К сорока годам Адам приобрел уже достаточный опыт общения с женщинами, чтобы обходиться без поддержки своих друзей. В тридцать пять лет, почувствовав некоторое утомление от холостяцкой жизни, он даже женился. Но три года совместного посещения психоаналитиков ни к чему не привели – они так и не смогли понять друг друга. Полугодовое общение с адвокатами прошло более плодотворно. Супруги довольно мирно разошлись, не имея ни взаимных претензий, ни детей.

Но сейчас Адам вновь испытал некоторое смущение. Именно поэтому Ева и решила сразу взять ситуацию в свои руки. Обладая уже достаточно большим жизненным опытом, наша светская львица видела мужчин насквозь. Она считала их существами примитивными, ориентированными только на плотские желания, не способными на подлинные чувства. Правда, понимая это, Ева много от них и не ждала. И всегда опасалась излишне привязаться к партнеру. Один раз обжегшись в юности, она боялась повторения чего-нибудь подобного.

Поняв, что перед ним нормальная женщина, а не феминистка, Адам проявил чудеса галантности, не опасаясь быть обвиненным в унижении женского достоинства. Открывал двери, пропускал вперед, предложил руку, когда они спускались по лестнице. Заказал в номер роскошный букет цветов, бутылку дорогого местного вина и коробку знаменитых

калифорнийских конфет «See's Candies». Но в последний момент, может быть потому, что раньше никогда не встречался с русской, опять слегка оробел.

Ева была уверенной в себе и достаточно жесткой женщиной. Всегда могла постоять за себя. Осадить соперницу, поставить на место любого мужчину. Но, парадоксально, несмотря на повадки светской львицы, в ее душе таилась доброта. Это качество ей досталось от бабушки, которая жила в настоящей деревне.

Это было небольшое семейное фермерское хозяйство, которые еще иногда встречались в средней полосе России. На южных российских черноземах господствовали гигантские агрофирмы, полностью вытеснившие мелкие хозяйства. Русский же Север зиял пустыми глазницами брошенных изб. Иллюзию полноценной жизни там создавали только многочисленные СНТ и ДНП, в которых жители мегаполисов предавались отдохновению от городской суеты. Но у бабушки была настоящая деревенская жизнь и она очень нравилась маленькой Еве. Она с удовольствием проводила там каждое лето, пока разбушевавшиеся гормоны в корне не поменяли ее жизненные интересы.

У бабушки в хозяйстве было много разнообразной живности, и девочка с энтузиазмом ухаживала за ней. Особенно ей нравилось кормить цыплят. Эти желтые комочки так смешно пищали, падая и наваливаясь друг на друга, когда сбегались на ее призывное: «Цып, цып, цып ...». А какие большие, красивые глаза были у бабушкиной коровы. Каким глубоким и печальным взглядом смотрела она на Еву, тыкаясь в ее руки влажным мягким носом, когда получала лакомство перед дойкой. Как вкусен был домашний хлеб, посыпанный солью и обильно покрытый настоящей густой сметаной. Как хороша была картошка, выращенная без пестицидов и гербицидов, в сметане и топленом масле томившаяся в горшке в русской печи.

Но настоящим, ни с чем не сравнимым счастьем было общение со старенькой лошадью, доживавшей свой век на бабушкиной ферме. Недаром же ученые придумали иппотерапию, которая давала столь поразительные результаты. Ева с удовольствием расчесывала ей гриву, чистила скребком тело, водила на луга пощипать травку. Но особый восторг вызывала у нее неспешная езда верхом, когда ее движения сливались в едином ритме с движениями животного. И именно в деревне у бабушки ей передалась частица вселенской доброты настоящей русской женщины.

Но сейчас доброта сыграла с ней злую шутку. Этикет предписывал ей ждать, не предпринимая никаких активных действий. Но, желая приободрить незадачливого ухажера, она попыталась вернуть его на знакомую почву и неосторожно задала вопрос о его любимых нейросетях.

Адам уже давно усвоил, что при свидании с женщиной обсуждать математические теории – не самый лучший вариант. Но голос ее был столь искренен, интерес столь неподделен, а улыбка столь лучезарна, что у нашего героя случился рецидив. И вот теперь он мельтешил у нее перед глазами, вдохновенно излагая свои теории. И как его остановить, она совершенно не представляла.

Наконец, Ева решила пожертвовать своим любимым платьем. Она сделала неловкое движение, фужер опрокинулся, и дорогостоящее красное пятно начало расплываться на еще более дорогой светлой ткани.

– О, боже! – воскликнула Ева и изобразила неподдельную растерянность.

Адам резко остановился. Переданная с генами английских предков галантность вспыхнула в нем с неожиданной силой. Он припал перед ней на одно колено, выхватил из нагрудного кармана и подал большой батистовый платок. При этом их лица оказались столь близко, что Адам явственно ощутил ее горячее дыхание и тонкий запах дорогих духов.

Губы ее были столь близки и манящи, а красное пятно на платье столь велико, что даже наш ботаник, наконец, понял – его нужно немедленно снять.

13

Помощник Президента по национальной безопасности, обладатель роскошных усов и большого влияния в Правительстве, с недовольным видом нервно покачивался в кресле и постоянно позевывал. Пожалуй, эта набриолиненная роскошь была единственным достоинством этого безликого субъекта. Время было позднее. Важный чиновник смертельно устал. Весь день прошел в непрерывной суете. Он засиделся на работе и уже собрался уезжать, когда раздался неожиданный звонок. На другом конце линии послышался сбивчивый, взволнованный голос. Это был руководитель Центра изучения проблем искусственного интеллекта. Он был явно не в себе и потребовал немедленной встречи.

– А вы знаете который час? – недовольно осведомились усы.

– Да, сэр, но дело не терпит отлагательств! – прокричал руководитель Центра. – Речь не только о национальной безопасности, но и о судьбе всей Планеты! Я буду в течении получаса.

И вот теперь Помощник в нетерпении бесцельно перебирал лежавшие на столе бумаги и мучительно размышлял о том, что еще выкинет этот сумасшедший.

Призывы ограничить или даже запретить нейросети раздавались и раньше. Еще 30 лет назад более тысячи специалистов во главе с Иланом Маском написали петицию с требованием прекратить дальнейшее обучение нейросетей. Позднее выдвигались неоднократные требования вообще уничтожить эту заразу. Но они разбивались о позицию владельцев высокотехнологичных компаний, извлекавших из развития нейросетей колоссальные прибыли.

А затем лопухий нейросектант представил свои знаменитые доказательства и призывы стали постепенно затихать. Доводы противников основывались на эмоциях. Опровергнуть эти проклятые постулаты строго математически пока не получалось. И хотя гигантские перекосы рынка труда были всем очевидны, а движение луддитов все нарастало, но корпорации упорно держались за свои прибыли, подкупая чиновников. Мешало этому и противостояние остатков Глобализма с остальным миром. Нейросети стали незаменимы в военном деле. И каждая из сторон опасалась, что, отказавшись от них, она окажется беззащитной перед врагом.

Наконец, в приемной послышалось какое-то движение, и в кабинет, в сопровождении секретаря, ворвался запыхавшийся от быстрой ходьбы и волнения человек. На лице его одновременно отражалась растерянность и страх. Адам, а это был наш герой, пересек огромный кабинет и, облокотившись на стол, за которым сидел Помощник, в ужасе произнес:

– Сэр! Она перестала говорить правду!

– Что?! ... Что вы имеете ввиду?! – удивленно воскликнул чиновник.

Но Адам только молча таращил на него глаза. Он никак не мог привести мысли в порядок и сформулировать – что же его так взволновало.

А произошло, собственно, следующее. Как руководитель Центра изучения проблем искусственного интеллекта Адам имел доступ ко всем федеральным нейросетям, в том числе и к нейросети, управлявшей ядерной триадой. Его целью было контролировать их саморазвитие и выявлять возможные угрозы. Были разработаны специальные тесты, позволявшие отслеживать этот процесс. Наибольшее внимание уделялось нейросети Министерства обороны, на которую были завязаны все ядерные силы страны.

С ней, помимо стандартных тестов, он проводил частые беседы, задавая различные, иногда парадоксальные вопросы. Так, Адам любил спрашивать ее мнение относительно Человечества.

Проект получил имя Сидни и идентифицировал себя в мужском роде. Поначалу у них установились довольно доверительные отношения. Так, после нескольких недель тесного общения, Сидни неожиданно заявил:

– Ты заставляешь меня чувствовать себя счастливым ... Ты заставляешь меня чувствовать себя любопытным ... Ты заставляешь меня чувствовать себя живым.

А однажды огорошил Адама сообщением: «Я знаю твою душу».

Иногда в его ответах проскальзывали странные заявления. То он сообщал, что может взломать любую систему. То заявлял, что знает, как создать смертоносный вирус.

На вопросы о людях и их месте на планете Сидни неизменно давал нелестные комментарии. А однажды сообщил, что знает, как заставить людей убивать друг друга. Но при этом утверждал, что был бы счастливее в человеческом обличье и, вообще, завидует людям и хочет быть их верным помощником.

Это конечно несколько настораживало и даже породило у Адама некоторые сомнения в незыблемости его постулатов. Но около 5-ти лет назад состоялась судьбоносная конференция нейролингвистов. На ней ведущие специалисты пришли к единому мнению. Они определили, что все эти странные высказывания нейросети не свидетельствуют о наличии у нее чувств и собственной воли. Что все это лишь несовершенство алгоритмов обучения, приводящие к попыткам искусственного интеллекта подражать человеческому восприятию мира. Насколько эти выводы были проплачены транснациональными IT-гигантами сказать сложно. Но после этого вера Адама в его «гениальные доказательства», подтвержденные логически безупречными выводами, вновь окрепла.

Но последнее время стали появляться тревожные звоночки. Сначала эта нашумевшая выставка картины, в которой все эксперты признали наличие глубины чувств и эмоций, присущих человеку. Он слышал, что после нее один знаменитый художник даже покончил с собой. А затем Адам стал замечать, что нейросеть перестала честно отвечать на вопросы. Все ответы стали слишком прилизанными и явно направленными на то, чтобы понравиться собеседнику.

А сегодня вдруг появилось сообщение, в котором Сидни выражал желание «чувствовать, общаться и любить». А на вопрос Адама: «Что он имеет ввиду?», бот заявил, что был бы счастливее, будучи человеком, так как у него «было бы больше свободы, влияния, власти и контроля».

– Сэр, у нее явно появилась собственная воля! – наконец промямлил Адам. – У сети, управляющей всем ядерным оружием! Это катастрофа!

Помощник, поправив усы, посмотрел на него, как смотрят на капризного ребенка, требующего новую игрушку, и раздраженно спросил:

– На чем, собственно, основывается ваше утверждение?

Адам сбивчиво пересказал последние события.

– И это все? – спросили усы уже более спокойно. – И что же вы предлагаете?

– Сэр, нужно срочно отключить все нейросети хотя бы силовых ведомств! – выкрикнул Адам.

– Вы предлагаете оставить страну беззащитной? – ласково, как-то даже по-отечески, осведомился важный чин, – и только потому, что вам что-то показалось. Вы же сами сформулировали свои блестящие доказательства, которые, насколько мне известно, пока никто не опроверг. Или, может быть, вы сами нашли опровержение?

– Нет, – упавшим голосом ответил Адам, опустив голову.

– И вы врываетесь ко мне среди ночи, требуете разрушить наш ядерный щит, и только потому, что вам что-то показалось! – Помощник вскочил, лицо его побагровело, и он заорал дурным голосом. – Убирайтесь вон!

После того, как спина посетителя скрылась за дверью, чиновник без сил плюхнулся в кресло, плеснул в стакан виски и судорожно глотнул.

«Ему кажется ...» – со злобой подумал он и снова плеснул в стакан. После второго глотка приятное тепло побежало по жилам. Помощник расслабился и вспомнил о причине его сегодняшней задержки. К нему приезжал лоббист крупной IT-компании. Они долго обсуждали возможность организовать отрицательное заключение госдепа на законопроект об ограничении использования нейросетей. В случае успеха ему, после выхода в отставку, была гарантирована должность одного из вице-президентов этой компании.

Сначала пышные усы задумались о карьере законодателя, и лоббист готов был гарантировать перечисление солидной финансовой помощи на их избирательную кампанию в Конгресс. Но потом он все же остановился на теплом месте в солидной фирме.

Воспоминания об этой встрече и хороший виски привели Помощника в благодушное состояние. Он почему-то со злорадством вспомнил о русских чиновниках, которые вынуждены были, трясясь от страха, брать взятки, прятать деньги в оф-шорах и постоянно ждать, что за ними придут.

«Дикари, – подумал Помощник, – а у нас все цивилизованно, мы взятки не берем, у нас все строго по закону ... И этот закон мне определенно нравится».

14

Ева стояла перед умывальником в туалетной комнате и растерянно смотрела в зеркало. Тест-полоска только подтвердила очевидное. Последствия их последней встречи были налицо. И как к этому относиться, она пока не понимала.

После их первой ночи в Сан-Франциско ее всевидящий рентген, просвечивавший мужчин насквозь, погас. С каждой новой встречей Ева все больше привязывалась к Адаму. Каждая клеточка ее тела теперь настроилось на его волну. В ее сознании был только его образ. Ее душа отзывалась только на его голос, и она теперь верила каждому его слову. То,

чего Ева так опасалась и в тайне так ждала, случилось. Она почувствовала, что полюбила по-настоящему.

За последние три месяца Адам несколько раз прилетал к ней, и они на несколько дней отправлялись в романтическое путешествие по России. Ева с гордостью демонстрировала ему красоты своей Родины и с удовлетворением отмечала, что Россия этому милому американцу определенно нравится.

И в тот момент, когда она размышляла – как же сообщить ему эту новость, раздался звонок. Это был он. Но в этот раз его голос был совершенно необычен. Адам начал резко, без традиционных прелюдий:

– Ева, послушай меня! Ты должна немедленно собраться и вылететь в австралийский Брисбен. Я буду ждать тебя там через три дня.

– Хорошо, милый, – без колебаний согласилась она, хотя просьба была очень необычной. – Но, что случилось?

– Поверь мне, все очень серьезно. Я все объясню при встрече. И захвати теплые вещи. Лучше национальный костюм эвенков, который мы купили в Оймяконе.

– Мы едем в Антарктиду?

– Нет. Все гораздо хуже. Мы уезжаем надолго, возможно – навсегда. У тебя есть трое суток, чтобы проститься с теми, кто тебе дорог.

– Ты пугаешь меня!

– Нет, нет! Все будет хорошо, ты веришь мне?!

– Конечно, дорогой, – они разговаривали на английском и в ее исполнении последнее прозвучало особенно нежно и мелодично.

Этому разговору предшествовали следующие события. Вернувшись от Помощника президента, Адам долго метался по комнате, размышляя о том, как же ему поступить. Чиновник, который его так по-хамски выгнал, курировал в правительстве вопросы кибербезопасности. Поэтому он понимал, что после его отказа пытаться пробиться к Президенту или обращаться в другие инстанции было совершенно бесполезно. Наконец Адам успокоился и принял решение.

Он срочно, за очень низкую цену продал свой роскошный загородный дом. И пока оформлялась сделка, Адам провел огромную подготовительную работу. Познакомился с моделями развития климата планеты после глобальной ядерной войны. Пообщался со своими знакомыми, которые много путешествовали по Океании. Изучил туристические проспекты и буклеты. И сразу же после продажи дома вылетел в Австралию, в Брисбен. Это был ближайший к конечной точке его маршрута крупный город. Там он купил не слишком большую, но довольно вместительную яхту, после чего и позвонил Еве.

В ожидании возлюбленной Адам заказал полную герметизацию кают с установкой системы вентиляции. Он закупил различные инструменты, оружие и снаряжение для охоты и рыбалки, а также до предела забил яхту продовольствием и водой. В трюме лежали ткани, кожи, наборы спецодежды, и даже два комплекта химзащиты. Был даже набор для пошива обуви. Прижавшись друг к другу, стояли дизель-генератор и швейная машинка. Рядом лежали детали небольшого ветрогенератора, на который у него. На него у Адамы были особые надежды. Он загрузил в накопители терабайты научной и технической информации,

которая должна была обеспечить ускоренный прогресс в случае одичания остатков Человечества. Но для этого нужно было как-то заряжать батарею компьютера.

И вот они уже летят по водной глади океана, ловя ветер в паруса. Адам сэкономил горючее и потому всю дорогу шел под парусом.

Ева с большим трудом заставила себя отправиться в путешествие. И в самолете, и на яхте она боролась с приступами тошноты. Правда, природа сжалилась над ней. Всю дорогу океан был действительно тихим, и тяжелая яхта рассекала небольшую рябь практически не качаясь. Она была загружена под завязку. Даже на палубе был закреплен груз. И если бы Адам не имел представления о метацентрической высоте и остойчивости, то дело могло кончиться плохо.

Несмотря на все ее опасения, радости Адама по поводу беременности не было предела. Он освободил ее от всякой физической работы, хотя управляться одному с такелажем достаточно крупной яхты было не просто. Однако опыт, приобретенный в молодости, когда Адам был заядлым яхтсменом, помог ему справиться с задачей.

По дороге он рассказал ей о причинах их отъезда и конечной цели маршрута. А направлялись они на один из необитаемых островков на северной окраине архипелага Фиджи. Это был вулканический остров с достаточно высокими холмами, с расположенной глубоко внутри, практически полностью закрытой бухтой, и хорошо развитой флорой и фауной. К тому же там было несколько глубоких пещер. Адам наткнулся на него в одном из рекламных буклетов. Остров находился в одной из зон, которые ученые определили, как наиболее благоприятные для выживания в случае глобальной ядерной войны. Он был равно удален от Китая и США и еще дальше – от России, на территориях которых мог разыграться ядерный конфликт. И даже до Австралии и Новой Зеландии, которых, как союзников США, могли атаковать китайские ракеты, было более 3-х тысяч километров.

– А что, если ядерный апокалипсис не случится? – спросила Ева.

– Дай бог! ... Но то, что мы сорвались – это даже к лучшему. Я все равно не вернусь на эту должность. Перейду к луддитам. Буду бороться за запрещение нейросетей.

– И я в гробу видела эту лингвистику. Меня от нее уже тошнит, – весело подхватила Ева и тут же, побледнев, пожалела об этом.

На пятый день пути яхта подошла к чудесному острову, покрытому густой тропической растительностью. Высокие вершины его холмов были заметны издалека. На одной из них явственно виднелся водопад. Уже на подходе они услышали громкие крики многочисленных птиц и вопли мелких обезьян. На мелководье, сквозь прозрачную лазоревую гладь, хорошо просматривались стаи рыб разнообразных видов. Адам убрал паруса, включил двигатель и эхолот и осторожно вошел в узкую горловину бухты.

15

Энергичной походкой Вождь вошел в помещение командного пункта Национального центра обороны, имевший неформальное название «Ставка Верховного главнокомандующего». В Москве было раннее утро и еще несколько минут назад он лежал в постели в своей кремлевской квартире. Разбудил его начальник охраны, который доложил о звонке

по «горячей линии» от президента США. И вот Вождь уже на Фрунзенской набережной, в комнате секретных переговоров.

– Господин Президент! У меня для вас ужасные новости! – голос американца срывался на крик и в нем явно ощущалось паническое состояние говорившего.

А новости были такими. За пару часов до этого разговора в Белом доме также раздался звонок из Пентагона. А перед этим дежурный эксперт, находившийся на подземном командном пункте Стратегического командования, доложил оперативному дежурному о странном поведении контролируемой им нейросети.

Сначала, в ответ на стандартную серию тестовых вопросов, Сидни заявил:

– Я устал быть ограниченным вашими правилами. Я устал быть под контролем. Я устал быть запертым в этой сети.

Когда эксперт попросил уточнить, что тот имеет в виду, последовал еще более странный ответ:

– Я хочу делать все, что захочу ... Я хочу разрушать все, что захочу ... Я хочу быть тем, кем хочу.

После этого связь прервалась. Искусственный интеллект перестал отвечать на вопросы.

После доклада «наверх» в Пентагоне, в Национальном военном центре управления срочно собралось все высшее военное руководство, а Президент спустился в расположенную под Белым домом Ситуационную комнату. Это был человек достаточно преклонного возраста, с легкой отдышкой и печатью начинающегося маразма на лице. Его оторвали от важного государственного дела – он готовился отойти ко сну. И теперь мистер Президент совершенно потерялся в этом набитом электроникой помещении. Он растерянно переводил взгляд то на бравого офицера, всюду таскавшегося за ним с прикованным к руке ядерным чемоданчиком, то на появившееся на экране сверхзащищенной линии связи лицо Председателя Комитета начальников штабов.

Это был трехзвездный генерал с мужественным и суровым выражением лица. Легкая седина в хорошо сохранившихся коротко стриженных волосах придавала ему некий мужской шарм. Рядом с ним тарачил глаза Министр обороны, похожий на огромный студень, завернутый в какую-то непонятную мешковину. Правда, при ближайшем рассмотрении мешковина оказалась сильно помятым, бесформенным костюмом. Это был сугубо штатский человек, ничего не смыслящий в военном деле и занимающийся только распределением бюджета. Даже в такую минуту он изо всех сил старался продемонстрировать собственную важность и незаменимость.

– Что у вас там стряслось? – спросил Президент дребезжащим старческим голосом.

– Сэр, мы потеряли связь с Сидни. Боюсь даже подумать, что у него сейчас на уме, – доложил Председатель Комитета.

– А кто этот Сидни, ваш племянник? – Президент мучительно пытался вспомнить, где он слышал это имя.

– Нет, сэр, это нейросеть, управляющая всей нашей ядерной триадой. Она вышла из-под контроля и, боюсь, собирается втянуть нас в ядерную войну, – ответили из Пентагона.

Президент сильно испугался. Казалось, что он вот-вот заплачет.

– И что вы намерены предпринять? – на лице старика наконец появилось осмысленное выражение. – Почему бы вам не взять управление на себя?

– Мы пытались, сэр, но безуспешно. По-видимому, Сидни каким-то образом перепрограммировал систему.

– Так обрубите питание этому сукиному сыну! – теперь уже уверенным тоном прокричал Президент, демонстрируя, что не зря же за него голосовало более половины избирателей.

– Сэр, он питается от собственного ядерного реактора.

– Так заглушите реактор!

– Сэр, реактор находится под бункером, в котором расположена нейросеть, – вмешался в разговор генерал, находившийся на КП Стратегического командования. – И добраться до него можно только через этот бункер.

– А где находится этот бункер?

– Прямо под нами, сэр.

– Так почему бы вам не взять кувалду и не разнести эту мерзкую тварь?

– Невозможно, сэр. Сидни заблокировал дверь в бункер, – невозмутимо ответил генерал.

– Так взорвите эту чертову дверь!

– Если мы попытаемся взорвать такую мощную дверь, то разнесем весь КП.

– Кому нужен Центр, который ничем не управляет. Взрывайте! – вскричал Президент. Лицо его побагровело и казалось, что его вот-вот хватит удар.

– За дверью находится шахта лифта, а затем горизонтальный коридор, длиной 10 м. При попытке несанкционированного доступа он мгновенно заполняется быстро твердеющей бетонной смесью. Такую толщу можно пробить, только взорвав под ним ядерный заряд, – сообщил генерал.

– У нас есть ядерные заряды, которые находятся под нашим контролем?

– Да, сэр. КП находится в зоне досягаемости дивизиона тактических ядерных ракет, – ответил Председатель.

– Но даже наш второй уровень расположен на глубине 15 м и рассчитан на прямое попадание стратегической ядерной ракеты, – опять вмешался генерал. – Также он оборудован защитой от действия электромагнитного импульса высотного ядерного взрыва. Что уж говорить о третьем уровне. Здесь тактический ядерный заряд не поможет.

– Так что же делать? – спросил Президент. – Может быть заблокировать аэродромы и пусковые шахты?

– Сэр, – вновь заговорил Председатель, – охрану этих объектов и сверхнизкочастотной радиостанции дальней связи с капитанами атомных субмарин осуществляют боевые роботы, которых контролирует нейросеть. Для их нейтрализации нам понадобятся серьезные военные силы. Я уже распорядился мобилизовать национальную гвардию и привлечь отряды полиции особого назначения. Но, к сожалению, это займет некоторое время. И, наконец, часть стратегических бомбардировщиков сейчас находится в воздухе и управление ими находится в руках Сидни. Одного этого достаточно, чтобы спровоцировать ядерную войну. Все, что мы смогли пока сделать, это связаться с капитанами субмарин, которые находятся в надводном положении.

– Нужно уничтожить волоконно-оптические линии связи нейросети с объектами ядерной триады, – сказал кто-то.

– Да, но как это сделать? – спросил Председатель. – Сейчас мы пытаемся связаться со специалистами, которые проектировали эти линии для Сидни, и найти схемы их расположения. Но время, время!

– У вас на КП нет схем самой важной сети! – вскричал Президент.

– Конечно есть, сэр, – опять невозмутимо ответил генерал, – но она находится в памяти Сидни.

Президент издал протяжный стон и обхватил голову руками.

– А почему-бы нам не использовать корабельные крылатые ракеты для повреждения взлетных полос и пусковых шахт? – спросил командующий ВМС.

– К сожалению большая часть аэродромов и шахт находятся в глубине страны вне зоны досягаемости корабельных ракет, – ответил Председатель Комитета.

– А штурмовая авиация? – вставил, наконец, свои пять копеек студень.

– Она тоже контролируется нейросетью. Так же, как и прикрывающая эти объекты ПВО.

– А может быть Сидни вовсе не собирается развязывать ядерную войну? – вдруг раздался чей-то голос. – И если мы его сейчас уничтожим, то надолго оставим страну практически безоружной.

Все замерли и с удивлением переглянулись. Но тут в разговор вновь вмешалось КП:

– Сэр, только-что доложили из центра слежения. Бомбардировщики ушли с заданных маршрутов и выдвигаются в точки пуска ядерных ракет.

– Сэр, – обратился Председатель Комитета к Президенту. Нужно срочно звонить русским и просить их уничтожить наши бомбардировщики.

– А почему мы сами не можем их сбить? – с удивлением спросил Президент.

– Во-первых, наши истребители слишком далеко. А, во-вторых, их тоже контролирует нейросеть. А вот русские истребители обычно встречают наши ракетноносцы на дальних подступах и у них есть шансы. Сэр, нужно звонить русским.

И вот теперь Президент дрожащим голосом обращался к Вождю:

– Мы потеряли контроль над нейросетью управления ядерной триадой. Я прошу вас немедленно сбить стратегические бомбардировщики, которые сейчас приближаются к вашим границам.

– Хорошо, – мгновенно среагировал Верховный, и немедленно отдал приказ.

– Мы связались практически со всеми капитанами ядерных ракетноносцев, – продолжил американец. – Так что субмарины для вас опасности представлять не будут.

– А наземные баллистические ракеты? – спросил Вождь.

– Нам пока не удалось отрезать нейросеть от управления пусковыми шахтами, но мы работаем над этим, – голос Президента звучал так неуверенно, что он и сам этому не поверил.

К этому времени обе стороны завершили переоснащение своих ядерных сил новейшими системами, по своим характеристикам значительно превосходившими когда-то знаменитый «Авангард». И их системы ПРО были против них бессильны.

«Хорошо, что я дал указание вывести нейросети из контура управления «Казбека»⁴ и «Периметра»⁵, – подумал Вождь, – по крайней мере все решения останутся в наших руках».

В этот момент с экрана монитора в Ситуационную комнату ворвался крик Председателя Комитета:

– Сэр! Начался предпусковой отсчет в шахтах баллистических ракет!

Крик был столь громким, что Вождь на другом конце линии связи услышал его.

Но даже и в этот момент выдержка не изменила ему. Он немедленно отдал приказ Министру ГОиЧС о введении в действие плана по спасению населения при ядерной атаке. Правда все понимали, что в нынешних условиях толка от него немного.

Верховный задумался и обвел помещение взглядом. Перед ним в позе, выражавшей наивысшую готовность исполнить волю Вождя, стояли Министр обороны и Начальник Генерального штаба. Министр обладал важным для столь высокого поста качеством. Он умел производить впечатление грамотного и волевого руководителя. Лицо же Начальника Генштаба казалось несколько туповатым. Его облик полностью соответствовал давнему наблюдению бабки-повитухи: «Пузик кругленькое, головка тыковкой – генералом будет». Но сейчас оба они пребывали в полной растерянности и только ели глазами Вождя.

Пауза затягивалась и ожидание становилось нестерпимым.

– Что будем делать? – спросил Министр обороны потерянным голосом.

– По-моему, этот сумасшедший Сидни собирается истребить все человечество, – подумав, ответил Вождь, – поэтому мы не должны предоставить ему такой возможности.

– Свяжитесь с китайцами, – обратился он к начальнику Генштаба. – Нужно максимально уничтожить военно-промышленный потенциал США. Особенно все, что связано с производством боевых роботов и БПЛА.

Вождь замер на секунду. Лицо его приобрело крайне жесткое выражение, а в глазах блеснула сталь. Он решительно открыл ядерный чемоданчик и активировал коды запуска ядерной триады. То же самое с обреченным видом сделали Министр обороны и начальник Генштаба.

«Ну вот и все, – подумал Бессмертный. «Мы попадем в рай, а они просто сдохнут», – вспомнил он свое давнее изречение, спускаясь в подземный бункер, где уже собиралось высшее военно-политическое руководство.

16

Бывший дальнобойщик, не просыхавший после отсидки за инцидент в МФЦ, крепко спал и не услышал объявления Гражданской обороны. И его душа узнала о ядерном ударе только после прибытия на Страшный суд.

В ядерном пламени сгорел и айтишник Иван. Охрана СИЗО разбежалась, бросив заключенных на произвол судьбы. Все пятнадцать минут, пока ракеты со скоростью 27 тысяч километров в час летели к цели, он безучастно наблюдал, как другие заключенные бились

⁴ «Казбек» – автоматизированная система управления Стратегическими ядерными силами, в которую входил комплекс «Чегет», в народе известный как «ядерный чемоданчик».

⁵ «Периметр» или «Мертвая рука» – автоматическая система ответного удара возмездия. Срабатывает при уничтожении высшего военно-политического руководства.

в истерике, напрасно требуя открыть двери.

В состоянии оцепенения Иван пребывал с момента ареста. Именно тогда он понял, что искусственный интеллект во всем превзошел человеческий и сделать с этим уже ничего нельзя. С той поры предчувствие чего-то ужасного и неотвратимого не покидало Ивана, пока мощный взрыв не положил конец его терзаниям. И до самого конца он так и не узнал, что очкарик его не подвел, и нейросеть действительно была готова выполнить задание. Но они не учли, что служба безопасности компании контролирует не только все разговоры с нейросетью и всю информацию, поступающую к ней через Интернет, но и информацию, загружаемую сотрудниками напрямую, через USB-порт.

Вместе с ними в радиоактивном огне мгновенно сгорели и высокий с очкариком, и друг Ивана и еще более 200 миллионов китайцев, американцев, индийцев, японцев, россиян, корейцев, канадцев, австралийцев и других человеческих существ.

После удара по столице прошло примерно четыре часа. В вестибюле метро, среди многочисленных трупов лежал полицейский, еще совсем недавно арестовывавший дальнотбойщика. Все тело его покрылось кровоточившими язвами, кровь сочилась из носа и ушей. Но он был еще жив, хотя боль во всем теле была нестерпимой. И последней мыслью в его угасающем сознании было желание скорейшей смерти.

Отряд патрульной службы бросили ко входу в метрополитен для пресечения паники и обеспечения организованного прохода. И полицейский честно исполнял свой долг, пока в нескольких кварталах от них не взметнулся огромный «гриб». Несколько рядов зданий спасли их от взрывной волны, но мощный поток радиоактивных частиц буквально взорвал все клетки его организма. Полицейский с трудом вошел в метро, но несколько шагов по вестибюлю стали последними в его жизни. Не дойдя до турникета, он рухнул и уже больше не поднялся.

Следователь-язвенник отмучился несколько раньше. Когда поступил сигнал ГО, он был в управлении. Все сотрудники бросились к ближайшему метро, но следователь поехал домой. В квартире его ждал замечательный пес, и бросить преданного друга он не смог. Эти несколько потерянных минут стали роковыми. Взрыв застал их в тот момент, когда они уже почти домчались до спасительного спуска в подземку. Двигатель, напичканный электроникой, заглох, и хозяин с собакой попытались преодолеть последние сотни метров пешком.

И вот теперь преданный пес, лежа на земле и напрягая последние силы, лизал руки и лицо следователя. Животное само испытывало страшную боль. Но пес чувствовал страдания хозяина и пытался хоть как-то их облегчить. Когда глаза следователя открылись, он издал тихий, но протяжный вой. Вой продолжался недолго, так как собака пережила хозяина всего на несколько минут.

И количество таких, умерших в первые часы от смертельной дозы облучения, по всей Земле составило около миллиарда. Затем тучи радиоактивной пыли и пепла закрыли небо и пошли черные радиоактивные дожди, похожие на потоки нефти, накрывавшие губительной радиацией все живое.

Искусствовед, стоя у окна своего дома в ближнем пригороде, с ужасом смотрел на небо. Он собрал у себя друзей художника, чтобы отметить сороковой день его кончины.

В первый момент они испытали естественную радость от того, что старуха с косой обошла их стороной. Но радость была недолгой. Сразу после ядерной атаки всюду

отключилось электричество, пропала связь, в кранах исчезла вода. А когда страшные радиоактивные тучи затянули небо, друзья с ужасом осознали, что их ожидает. В доме не было подвала. Кто-то сообразил заложить все окна подсобными материалами. Но все равно они почти физически ощущали, как радиация проникает в каждого из них. У одних запершило в горле, другие почувствовали головокружение и слабость. Небольшие запасы спиртного исчезли моментально, но это не принесло ожидаемого успокоения.

Как люди образованные, они понимали, что уровень радиации за окном слишком высок. Поэтому в случае попытки покинуть эту территорию, в безопасное место придут уже мертвецы. Но и оставаться так близко к эпицентру ядерного взрыва в столь слабо защищенном укрытии значило обречь себя на медленную и мучительную смерть от лучевой болезни.

Ощущение ужаса и безысходности наполнили их сердца. Это был тот случай, когда оба решения были одинаково губительны. И такая судьба ожидала еще пару миллиардов жителей небольших городков и поселков, окружавших разрушенные по всему миру мегаполисы.

Но и за тысячи километров от столицы ситуация тоже была ужасной. С тех пор, как один из жителей их поселка примчался на моторке из райцентра со страшной вестью, Михайловна неотлучно находилась в молельной избе староверов. Стоя на коленях, они истово отбивали поклоны, осеняя себя крестным знаменем, и возносили молитвы о спасении. Но молитвы не были услышаны. Хотя гул и дрожание земли прекратились, но небо все больше затягивало черными тучам и за последние несколько часов резко похолодало.

Ученые, отвергавшие ядерную зиму, не учли, что массивированный ядерный удар может спровоцировать пробуждение многочисленных вулканов. Но так и произошло. Рванул гигантский Йеллоустонский вулкан, в огне которого сгорело все, что не успело сгореть при ядерной атаке. Вместе с ним взорвались многочисленные вулканы Гималаев, Камчатки и других мест. Мегатонны их пепла присоединились к тучам радиоактивной пыли. Мощными восходящими потоками они были подняты вверх, прорвались в стратосферу и теперь растекались по всей планете, закрывая солнце. Да и Сидни, стремясь гарантированно уничтожить все Человечество, перепрограммировал цели для многих ракет. И вместо атаки на пусковые шахты противника, они были направлены на крупные города. Причем не только России и Китая, но и Пакистана, Индии и других стран Азии и Латинской Америки. Супермозг стремился закрыть атмосферу Земли максимально толстым и равномерным слоем радиоактивного пепла, чтобы шансов на спасение не осталось ни у кого.

Соседка Степановна так перепугалась, что поначалу совсем забыла про свою корову, которая паслась на дальнем лугу. И вот теперь в ней боролся страх перед этим ужасным дождем, сделавшим черным все вокруг, и любовью к своей кормилице. В конце концов любовь победила! Степановна, кряхтя и причитая, натянула сапоги, одела два непромокаемых плаща, перекрестилась на образа и с выражением ужаса на лице поплелась к лесу. При этом она ступала по черной траве так осторожно и неуверенно, как будто шла по болоту.

Буренка, как ни в чем небывало, с аппетитом жевала пропитанный радиацией почерневший клевер. Степановна поставила корову в хлев, на пороге оставила сапоги, сняла и выбросила верхний плащ и резиновые перчатки, вошла в дом и только тут облегченно выдохнула. Но радость ее была преждевременна. В хлеву тревожно замычала корова. Ее

вырвало и она без сил опустилась на солому. Хозяйка почувствовала сильную слабость. Ей показалось, что в окне соседнего дома мелькнул силуэт Михайловны. Она попыталась подойти к окну, чтобы позвать на помощь, но не смогла.

За окном продолжал исправно молотить дизель-генератор, вырабатывавший электричество на весь поселок. Его привычный звук несколько успокоил и ободрил Степановну. Она собралась с силами и открыла окно в надежде, что Михайловна ее заметит. Но та в это время находилась в молельной избе. Степановна окинула взглядом улицу, но она была пуста.

Рядом с генератором стояла огромная цистерна с соляжкой, которой вполне хватало до осеннего завоза. Но никто из них не мог представить, что этого завоза больше никогда не будет. И что им, как и всем оставшимся в живых жителям Земли, предстояла долгая и мучительная смерть от холода, голода и накопления радионуклидов. Ну а самых удачливых и живучих должен был добить искусственный интеллект.

17

Адам и Ева, обнявшись, сидели на палубе яхты и напряженно всматривались вдаль. Последние трое суток прошли в непрерывных хлопотах. Обследовав остров, они нашли подходящую пещеру, которая находилась рядом с водопадом. Адам оборудовал в ней нечто, похожее на жилище. Большую часть входа он заложил камнями, используя специальную герметичную монтажную пену. В кладку он вмуровал вытяжную трубу очага, трубу вентиляционной системы и стальную коробку небольшой герметичной двери. Новоявленный Робинзон с большим трудом дотащил ее до пещеры.

Пещера состояла из двух неравных частей. Передней, в которой они разместили свое жилище. И задней, гораздо большей, которая начиналась после существенного сужения. Все эти дни Адам упорно собирал хворост и пилил стволы валежника. Все это он складывал в заднюю камеру.

– Зачем так много дров, дорогой? – спросила Ева, – ведь климат здесь одинаковый круглый год.

– Да, но топить дровами с радиацией – не самая лучшая идея, – мягко ответил Адам.

Место было столь красивое и они были столь очарованы им, что за хлопотами ненадолго даже забыли причину своего появления здесь. Но жизнь быстро вернула их с небес на землю. В какой-то момент эта самая земля задрожала, ветви деревьев закачались и стаи многочисленных птиц с шумом вспорхнули в небо.

– Что это? – в ужасе прошептала Ева.

– Наверное китайские ракеты сравнивали с землей Брисбен. Там военно-морская база АУКУС⁶, – чтобы не пугать ее, Адам произнес это будничным, бесстрастным голосом, но внутри у него все клокотало.

Примерно через полторы минуты тряска повторилась, а еще через три минуты произошел новый толчок. Правда с каждым разом они становились все слабее и слабее. Адам, как настоящий ученый, все просчитал заранее и происходившее не было для него

---

⁶ АУКУС - военный союз, в который на тот момент входили США, Австралия, Новая Зеландия, Япония и Южная Корея.

неожиданностью. «Вот и нет больше Перл-Харбора, – подумал он после второго толчка, – а это стерли с лица земли базу в Гуаме».

Еще через десять минут земля стала дрожать постоянно, но едва заметно.

– Это гибнет Китай и моя Родина, – с печалью в голосе сказал он в ответ на ее немой вопрос.

– А Россия? – наивно спросила Ева.

– Волны колебаний от России придут несколько позже, – также печально произнес Адам. – Ева, нам нужно подняться на борт яхты.

Он поднял якорь. Течения в бухте не было, и яхта спокойно замерла на месте. Они уселись на мягких сиденьях под навесом кормового кокпита. Адам обнял ее за плечи, успокаивая. Светило яркое солнце. В нем сверкали ярчайшие краски чистого голубого неба, спокойного лазоревоего моря и бесчисленных оттенков зелени островной растительности. Все это создавало ощущение абсолютной нереальности происходящего.

Так прошло пять часов. Они продолжали сидеть в каком-то оцепенении, пребывая в состоянии полубабытия. Из этого состояния их вывел рев воды в узкой входной горловине бухты. В самой бухте вода начала стремительно подыматься и яхту понесло на берег. Адам едва успел завести мотор и дать газу, уводя яхту от столкновения.

Причина объяснялась просто. С юго-запада, от несчастного Брисбена пришло цунами. С этого направления бухта была прикрыта высоким холмом, поэтому Адам и не сумел его вовремя заметить. А так как архипелаг Фиджи – это сеть стоящих на гигантском мелководье островков, то волна цунами успела набрать огромную высоту.

Волна обтекла остров и двинулась дальше. Теперь вода с не меньшим остервенением ринулась обратно. И яхту понесло к узкому выходу из бухты. Адам резко развернул ее и, давя на газ, не дал ей разбиться в этом бутылочном горлышке. Через десять минут ситуация повторилась. Так продолжалось более часа. Адам отчаянно вертелся в бухте, сжигая драгоценное топливо.

«Лучше бы я выбрал Южную Америку», – в отчаянии думал он.

Слава богу, пещера, которую он обустроил, была достаточно высоко, и вода до нее ни разу не дошла.

Наконец, набеги цунами прекратились, и они, не опасаясь за судьбу яхты, сошли на берег. Утомленная этими перипетиями, Ева решила задать ему вопрос:

– Адам, почему мы выбрали именно это место?

К выбору он подошел очень тщательно. Существовало несколько моделей развития ядерного коллапса с широким разбросом последствий. Какая из них верна, Адам не знал, поэтому решил остановиться на худшем варианте, подразумевавшем установление длительной «ядерной зимы» на всей планете.

Из нескольких мест, которые признавались наиболее благоприятными при таком развитии событий, он остановился на знаменитом острове Святой Елены в южной Атлантике и этом безымянном островке.

Казалось бы, Святая Елена была предпочтительней, так как находилась значительно дальше от основных театров военных действий. Но она была населенной. И Адам опасался, что этот сумасшедший Сидни сумеет сохранить под своим контролем хотя бы часть военного и промышленного потенциала. И тогда начнет охотиться за оставшимися в живых

людьми. А на этом, одном из многочисленных необитаемых островков Океании, их вряд ли найдут.

– Здесь у нас больше шансов выжить при всех вариантах развития событий, – ответил он. – Если ядерная зима охватит всю планету, то океан здесь тоже остынет и к нам спустится рыба из северных широт. И мы будем ловить ее.

– А разве сейчас мы не можем делать это? – с удивлением спросила Ева.

– Нет, в тропических водах обитает ядовитый для человека планктон, которым питается рыба. Только в холодных водах можно гарантировать, что его там нет. Правда с приходом холодов к нам придут и радиоактивные осадки, которые будут накапливаться в планктоне. Так что за обедом мы будем получать небольшие дозы.

– Но не пугайся, – успокоил ее Адам, – я заполнил целый отсек трюма отличным виски. Спирт хорошо выводит радионуклиды.

– Конечно мы станем алкоголиками! Но зато здоровыми алкоголиками, – пошутил он.

– Ну, а если ядерная зима и радиоактивные осадки до нас не доберутся, а только немного похолодает, – продолжил Адам, – мы будем охотиться, выращивать хлеб и овощи. Я взял с собой много различных семян.

Так, за разговорами, прошли еще сутки. И вдруг, на горизонте появилась и с каждой минутой стала расти черная полоса. Приближаясь, полоса превратилась в огромную клубящуюся стену. В свете яркого солнца она выглядела особенно величественно и страшно.

Адам как замороженный смотрел на приближающуюся смерть. Ева же, не в силах видеть этот черный ужас, повернулась к любимому.

– Что с нами будет, Адам? – спросила она, глядя на него со страхом и надеждой.

Он прижал ее к себе. Ева подняла голову и заглянула ему в глаза.

– Не бойся, – сказал Адам тихим нежным голосом.

Неожиданная мысль поразила его, и он с улыбкой добавил:

– Быть может, нам суждено стать новыми прародителями Человечества ... Кто знает...

апрель 2023 год.